
ПИОНЕР
двухнедельный
№ 1
ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
1926
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

Н. Тарарин

Пионеры деревни и сельское хозяйство

Когда у деревенских пионеров спрашиваешь, какую они ведут общественно-практическую работу, почти все, за малым исключением, отвечают, что сельскохозяйственной работы не ведут. Это, конечно, неправильно. Ведь нужно помнить, что пионеры в дальнейшем, когда вырастут, должны стать крестьянами. При чем не просто умеющими пахать, сеять, косить и т. п., а крестьянами, знающими, как культурно вести сельское хозяйство.

Пионеры в будущем должны будут уметь при наименьшей затрате сил, времени и средств получить больший урожай, большую доходность. А это дело нелегкое: для того, чтобы стать культурным крестьянином, нужно с самого детства учиться сельскому хозяйству и по книгам и на самой работе.

Каждый пионер должен хорошенько продумать это и сказать себе твердо по-пионерски, по-ленински: «нет, я не брошу деревню в то время, когда она еще темная, некультурная, с большими усилиями стремится выбиться на широкую дорогу к хорошей жизни, наоборот, я должен помочь в этом деле, насколько хватит своих сил. Ибо, если мы отойдем в сторонку, то некому и будет строить новую деревню».

Как же пионер должен помогать деревне?

Летом некоторые отряды пробовали вести сельскохозяйственную работу, но вели ее урывками, без плана, благодаря чему труды пионеров зачастую пропадали даром. Огороды, которые были летом посажены, или не всходили, или еще до времени снятия урожая растаскивались. Этому способствовало и то, что пионеры почти нигде не знали, как же лучше нужно сажать, как лучше нужно строить сельское хозяйство.

Это дело исправить необходимо зимой, тем более что зимой налицо имеются все условия.

Первое, что нужно сделать пионерам, это больше получить сельскохозяйственных знаний путем проведения бесед и чтения книжек. Беседы за зимний период в отряде можно провести такие:

1. Как утеплить хлев и содержать его в чистоте.
2. Как ухаживать зимой за коровой.
3. Как устроить кормушку для скота.
4. Как откармливать и ухаживать за свиньей и поросенком.
5. Как ухаживать за курами, утками и гусями.
6. Что и как лучше сажать в огороде.
7. Как сделать парники и рассадники для выращивания ранних овощей и рассады.
8. Как производить отборку и сортировку семян.

Проводя беседы в отряде, пионеры должны помнить, что одними беседами знания сельского хозяйства добиться нельзя, надо также проводить и практическую работу как дома, так и в отряде.

Дома пионеры по заданию звена обязаны:

1. Проверить, цело ли оконце в хлеву, нет ли щели, если дует—замазать глиной или известкой.
2. Заменять чаще подстилку и вычищать хлев.
3. Проветривать хлев, если нет специальной вентиляции.
4. Вычищать лучше кормушки и поилки, чтобы не оставалось грязи.
5. Когда ведешь на водопой коня, веди по льду некованного осторожнее, дай коню вволю напиться, не спеши.
6. Чистить корову, чтобы не была грязна.
7. Проветривать помещение, в котором находится свинья.
8. Убирать навоз каждый день из помещения, где находится поросенок.
9. Чистить свинью.
10. Давать всем корм в одни и те же часы и по норме.
11. Замазать в сараях для кур в стенах около насеста щели и обтирать керосином насест, чтобы не разводились клещи.
12. Делать на зиму ящики.
13. Делать гнезда.

Некоторые отряды в этом году разводили коллективно кроликов, это очень хорошее дело и его деревенским отрядам нужно возможно шире практиковать у себя. Ухода требуют кролики за собой очень маленького, а польза получается большая. В случае, если нельзя кроликов развести при отряде, можно разводить их при школе. Также нужно подумать о разведении коз, поросят и т. п.

В своей работе пионер должен отчитываться каждую неделю на звене. Все проделанное записывается в звеньевой дневник. Кроме работы пионеров дома, отряду нужно практиковать еще и экскурсии: в совхоз, сельскохозяйственные коммуны, а также в культурно-поставленные хозяйства, где пионеры наглядно могут увидеть, как нужно правильно вести хозяйство.

Международный шахматный турнир в Москве

Боголюбов, Крыленко и Ласкер

Капабланка

Торре и Ильин-Женевский

Многие ребята, вероятно, удивлялись тому, что в течение ноября все газеты ежедневно подробно писали о шахматном турнире (состязании) в Москве: такой-то, мол, выиграл у такого-то, а этот выиграл у того. Нужно еще добавить, что о турнире ежедневно писали газеты не только СССР, но и всего мира.

Дело в том, что шахматы — самая сложная и глубокая из всех игр. Шахматы — не пустая забава, шахматы требуют глубокого продумывания, напряжения всех умственных способностей. Владимир Ильич, как известно, очень увлекался шахматами и играл довольно сильно.

На игре лучших шахматистов учатся все любители шахматов. Поэтому понятно, какой интерес вызывают международные турниры, в которых состязаются лучшие игроки от каждой страны.

В последнем Московском турнире участвовали едва ли не все сильнейшие игроки мира. Капабланка, нынешний чемпион (лучший игрок) мира, завоевавший это звание после победы над Ласкером. Ласкер, в течение 25-ти лет удерживавший за собой первенство в мире и, несмотря на свою старость, еще поныне удивляющий искусством своей игры. Маршаль—чемпион Соединенных Штатов, Боголюбов — чемпион СССР. Грюнфельд — чемпион Германии, чемпион Чехо-Словакии—Рети, Польши—Рубинштейн, и др. Среди 21 участников турнира было 10 от СССР.

Результаты турнира показали очень высокий уровень игры шахматистов СССР. Первое место завоевал Боголюбов, обогнавший Ласкера и Капабланку—обоих чемпионов мира, бывшего и нынешнего. Ласкер занял второе место, Капабланка третье.

Капабланка, который считался непобедимым и чрезвычайно редко проигрывал, потерпел поражение от двух молодых русских игроков—Ильина-Женевского и Верлинского. Железный Ласкер был побежден игроком СССР Левенфишем. Кроме Боголюбова, взяли призы (всего было 11 призов) еще три русских шахматиста: Романовский, Ильин-Женевский и Богатырчук. Все они в международных турнирах новички.

Любопытно отметить Ильина-Женевского, единственного маэстро (так называются лучшие игроки каждой страны) коммуниста, члена РКП еще с дореволюционных времен.

Отметим также успех самого молодого из участников турнира 19-летнего Торре (Мексика), разделившего пятое и шестое место с Тартаковером, выигравшего у многих испытанных шахматных бойцов, в том числе и у Ласкера. Успех этот показывает, какой силы в шахматной игре можно достигнуть еще в молодости.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ
На 12 м. 3 р. — к.
„ 6 „ . . 1 „ 60 „
„ 3 „ . . . . „ 85 „
„ 1 „ . . . . „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Н. Площадь 6/7, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 1 Январь 1926 г.

М. Крупенина

ВМЕСТО СМЫЧКИ ОТРЫВ

Скучно зимой деревенским ребятам, особенно, когда мороз ударит покрепче, или валенки плохи. На улицу выбежишь, да и скорей домой в избу. А в избе-то нечего делать, особенно в долгие зимние вечера. В городе светло, можно пойти в библиотеку, взять книжку и, сидя за ней, пропутешествовать по всему свету, побывать и на севере и в жарких странах, побывать и в Китае, и в Америке, услышать, что говорят и как живут ребята во всех концах света, и долгие зимние вечера проходят незаметно, даже жалко, что они скоро кончаются.

Задумали деревенские пионеры Краснознаменского уезда себе в деревню книжек достать. Долго думали да гадали, как их раздобыть. Толкнулись в избу-читальню, пересмотрели все книжки, какие там есть, ничего подходящего для ребят не нашли. Толковали с учителем, как бы книжек раздобыть, но и он не мог делу помочь. Денег нет, только, только на тетрадки да на учебники хватает. Порешили ребята написать в Москву пионерам письмо и просить их как нибудь им книжки достать. Решено—сделано. Письмо написали и стали ждать ответа. В школе каждый день ребятишки пионеров спрашивали: «Ну, как? Получили чего?»

Наконец, в одно морозное утро вбежал в класс, запыхавшись, Петька—вожатый звена с большим пакетом под мышкой и закричал: получили, получили... Ребята обступили его со всех сторон, развязали пакет и жадно рассматривали городской подарок.

Перед глазами мелькали красивые, цветные обложки, всем хотелось получить поскорей на руки, заглянуть, перелистать, посмотреть картинки. Но книг то немного, а желающих—как воробьев на дороге. Пионеры решили книжки переписать, сдать в избу-читальню и оттуда уже ребята смогут брать их для чтения. Волнение понемногу улеглось. Радостно и весело ребята принялись за уроки.

Однако, веселье продолжалось недолго. Через два дня ребята гурьбой пошли в избу-читальню за книжками, но, придя туда, они книжек не получили. Пионеры забрали все книги себе в отряд и об'явили, что книжки будут выдаваться только пионерам.

За книгой.

Разбушевалась детвора: «как так, книги всем прислали». Однако, ничего не могли поделать, так и пошли, что называется, с носом. «Вот так пионеры, разве пионеры так делают?»—встретили на утро пионеров школьники,—«а мы все равно книжки у вас отнимем». Одна группа ребят втихомолку решила поколотить пионеров за такое дело. Словом, прежнего товарищества как и не бывало. С пионерами никто больше и знаться не хочет; в школе, на улице все их дразнят, никто их к себе ни в какую игру не принимает. Однако, книжек-то все-таки ребята не видят. Вот как-то раз собрались в школе, и одна девочка предложила: «чем мы хуже пионеров, давайте тоже письмо напишем да и расскажем, как пионеры с книгами управились». С большим вниманием и тревогой ждали ребята ответа. Что-то будет теперь? А ну, как их за ябедников посчитают. Держали это дело в большом секрете. Ждать пришлось недолго. Вскоре пришел и ответ.

«Владимир Ильич Ленин говорил, что слово коммунист—значит общий, быть коммунистом, это значит—бороться за то, чтобы было все общее и земля, и фабрики, и труд, а коммунисты должны об'единять, организовывать всех на общем труде, показывать пример воспитания и дисциплины в борьбе за коммунизм.

Только в старом обществе было так, что, если я хозяйничаю на этом участке земли, то до другого мне дела нет, пусть они голодают, тем мне выгоднее,— я дороже буду продавать свой хлеб.

Такие рассуждения у коммуниста быть не могут и не должны. А пионеры носят великое имя Ленина и в первую очередь должны выполнять его заветы.

А потому, юные пионеры, ленинцы, отдайте поскорей книги в общее пользование и организуйте дело так, чтобы все ребята могли ими пользоваться».

Вот что было написано в письме.

Пионеры смущенно стояли в углу. Они поняли свою ошибку.

Лев Гумилевский

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА БАЗАРЕ

В наших приволжских степных просторах лето приходит вдруг. Весны нежной, тихой и благоухающей почти не бывает. Едва сойдет снег, дни палят летним зноем. Из голой земли буйные травы растут с непобедимой яростью. Оставшиеся от весенней грязи придорожные кочки каменеют, потом рассыпаются в пыль, ложась тонким серым слоем на свежую зелень, бегущую прочь от дороги.

В городе пыль прилипает к клейким листкам едва распустившихся акаций и делает их седыми на все лето. Тогда умирает аромат свежей листвы; ничем не умеряемый зной висит над каменными улицами, и, не видавший весны, город вдруг погружается в летнюю лень, сон, зной и отдых.

Именно в такой день, голый и яркий от нестерпимого солнечного света, приехавшему в город черноярскому крестьянину, на базаре, огромная тень летящей птицы перебежала дорогу. Лошадка его присела, навострив уши и готовясь шарахнуться в любую сторону. Крестьянин—Захар Никитич Чугунов,—как после он сам о себе рассказывал, помня все до последней мелочи,—налетел подбородком на крепко зажатый в его руках угрожающий кнут и посмотрел вверх.

Тень мелькнула по тротуару, поднялась по стене, скользнула по крыше и исчезла. Тогда Захар Никитич и остановившийся возле него городской извозчик, одновременно следя за тенью, увидели, как на верхней перекладине сверкающего креста церкви «Петра и Павла» уселась огромная птица. Она спокойно оправила отливавшие золотом крылья и, не наклоняя головы, равнодушно глянула вниз желтым глазом.

Извозчик снял шапку, перекрестился и привстал на своем облучке, не отрывая глаз от креста.

— Что это у вас?—спросил Захар Никитич, не понимая, но томясь жутким предчувствием,—откуда?

— О, господи,—прошептал извозчик,—с испокон веков не то что в городе, по всей губернии орлов не видывал. А тут гляди—прямо на крест. И не слыхано и не видано... О, господи, помилуй!

Захар Никитич встревожился тайным смыслом его речи. Извозчик слез с облучка, взял под уздцы лошадь и, путаясь в длинных полах своего кафтана, повел ее назад.

— Куда ты?

Тот показал кнутовищем на церковь и ничего не ответил. Захар Никитич взволнованно стегнул свою лошадку и помчался туда же. Торжественное шествие извозчика с указующим кнутовищем и скакавшего в телеге мужика взволновало базарную улицу. С кончика кнута взоры поднялись на крыши, на церковь, на крест, и тогда вдруг не одно сердце похолодело, как от сквозного ветерка в жаркий день распаленная зноем грудь.

— Ой, батюшки! — взвизгнула женщина.

И одного этого крика было достаточно, чтобы вместе с ним на плечи базарной толпы упала тяжесть неразгаданной тайны.

...Гляди, прямо на крест...

Толпа двинулась к церкви. Люди бежали через дорогу, прыгали через тумбы.

Захар Никитич доскакал до железной церковной ограды, втиснулся с телегой в толпу и тогда, опершись на кнут, стал на телеге, подняв голову.

Кресты раззолоченной церкви сверкали безмятежно. Точно вылитый из бронзы орел сидел неподвижно, косясь на гудевшую внизу толпу. На фоне голубого неба он казался необычайно большим.

— Если так, примером сказать, с барана? А? Или поболыше будет?

Захар Никитич оглянулся на спрашивавшего и с высоты телеги ответил:

— Побольше будет.

К ним подскочила старушка. Она тяжело дышала от беготни и спрашивала задыхаясь:

— Светики, касатики. Не вижу я. Двуглавый он, что ли?

— Нет, матушка, голова у него одна...

— А крыл сколько?

— Что у меня, матушка, микроскоп, что ли, на носу,—огрызнулся на нее стоявший под телегой человек, и старушка вздохнула:

— О, господи! К чему же это?

Ответ висел в воздухе, но языки за белыми решетками зубов шевелились еще нерешительно.

— Что говорить, и так ясно, как день!—проворчали за спиной у старушки.

— Яснее некуда. Орел, ведь.

— Не на столб сел—на крест.

— Я и говорю. У нас всю губернию обскачи, за сто рублей орла не найдешь.

— А это орел, гражданин, а?

Гражданин посмотрел на вихрастого мальчугана с красным галстуком и подтвердил:

— Да, орел, молодой человек.

— Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться,—прокричал мальчишка и юркнул в толпу. Гражданин обтер платком сердитый лоб, обернулся к соседу.

— Не знаете, что собираются с ним сделать?

— С птицей? Милиционер за винтовкой пошел...

— Дастся он им, вы думаете?

— Важно спугнуть. Беспорядок. Ни пройти, ни проехать; видите, народ как валит... Смущение умов.

— Он им не дастся.

Захару Никитичу надоело щуриться на крест.

Он пошарил глазами по толпе, заметил пробиравшегося в ограду милиционера с винтовкой, наклонился к спорившим:

— В голые руки не дастся, конечно. Без снасти и вши не словить. А из ружья...

Толпа хлынула тугою волною к милиционеру. Винтовка высунулась из моря голов. Розовые лица, как подсолнечники к солнцу, обернулись враз к кресту и тут же вдруг к каменному крыльцу церкви. Там седой священник в полном облачении, молитвенно вздымая руки, пытался

что-то говорить. Толпа зашипела, притихла,—тогда стало слышно, что он говорил:

— Православные люди! Не мешайте нам продолжать службу. Разойдитесь, а вы, гражданин милиционер, опустите ваше оружие. Мы, верующие, не можем допустить стрельбы по святому кресту. Вы можете не попасть в птицу, но оскорбить крест. Разойдитесь, православные, не подвергайте опасности храм божий.

Милиционер опустил винтовку. Толпа загудела:

— Правильно, нельзя в крест стрелять.

— Нельзя.

Вдруг маленький юркий человек зашнырял в толпе. Он задыхался, предлагал каждому:

— У меня есть охотник знакомый... Два шага отсюда. Без промаху бьет из берданки. Я за него ручаюсь, граждане. Хотите? Я ручаюсь.

Его видели на паперти возле священника с милиционером, забежавшим в аптеку напротив. Он бил себя кулаком в грудь, кричал:

— Ручаюсь! Он креста не заденет! Ручаюсь!

Милиционер и священник дали согласие. Человек этот исчез. Захар Никитич уже не думал об орле, он заинтересовался суматохой:

— Заступи чорту дверь, а он в окно,— сказал он.—Что теперь придумали?

— Пожарных, говорят, по телефону вытребовали.

— Кишкой?

— Конечно!

Захар Никитич смерял расстояние глазами.

— Храбер гусак, да осип: не достанет.

— Посмотрим.

— Посмотреть, действительно, любопытно.

— Ого! Расходись, ребята! — гаркнул вдруг парень в расстегнутой рубахе с веселым смехом,—вона они. Давай дорогу, ух скачут. С насосом.

Толпа расступилась, как море под острым носом корабля, и обнажила каменное дно улицы, заплеванное окурками и подсолнечной шелухой. Пожарные осадили лошадей. Начищенные каски засверкали над белыми полотняными рубахами. Едва стали лошади, как каски и рубахи засуетились в толпе с привычным проворством.

Бранд-майор посмотрел на крест. Желтый орлиный глаз спокойно скользнул по нему. Насос загромоздили люди. Желающих качать пришлось установить в очередь.

— Готово?

— Есть.

— Заходи с правой стороны, с крыльца.

— Не возьмет...

— Работай!

Качающие налегли на насос. Каска поднялась над толпою, за нею медное жало брандсбоя. Радужная струя воды вырвалась на волю, посверкала на солнце, рассыпалась над толпой миллионами сверкающих искр. Орел пошевелился, повернул голову с величавой важностью, посмотрел вниз. Вода рассыпалась под ним каскадом. Мальчишки, изнывавшие от жары, вертелись под искусственным дождем.

Захар Никитич вздохнул с удовлетворением:

— По моему вышло. Не достать.

— Налегай, ребята, налегай. Давай вторую бочку!

Бранд-майор краснел от зноя, гнева и крика. Качавшие взмокли мгновенно. Пожарный бесплодно топорщился с трубою, становился на цыпочки, вытягивал руки—вода едва-едва обрызгивала купол.

Захар Никитич зевнул:

— Надувшись, пива не выпьешь!— буркнул он и сел в телегу.

Милиционеры оттеснили толпу от насоса. Публика давно уже грохотала смехом и криками. Мальчишки ловили струйки воды, вырывавшиеся из рукавов и пугавшие прохожих.

— Ну и пожарные!

Охотник легко вскинул ружье и выстрелил, толпа обернулась к кресту.

— Хо-хо-хо. Задала птица задачу.

— А снять надо: гляди, лавки на базаре закрывают.

— Где милиция?—завопила вдруг толпа.

— Вот она. Что надо?

— Охотника привели. Охотника. Без промаху бьет.

— Где?

— Вон, вон. Рядом с милиционером.

Мальчишка в красном галстуке шнырял в толпе и распевал задорно:

— Шел охотник из села, на нем сумка висела.

Охотник совещался с милиционером. Посовещавшись, он легко вскинул ружье, прицелился и выстрелил прежде, чем успели зажать уши вокруг него. Толпа розовым морем лиц обернулась к кресту.

Орел вздрогнул. Золотистые крылья распластались на синем фоне неба. Опять черная тень пробежала по куполу, по колокольне, над толпой.

— Пали вслед ему.

— На Сенную полетел, на Сенную.

Охотника смяли плотною толпою, двинувшейся за птицей. Извозчик стегнул лошадь, милиционер вскочил на пролетку. Захар Никитич тронулся за ними.

— На Сенной сядет. Раненый, видно. Кружить начал, глядите, глядите...

Черная тень птицы, метавшейся в синем воздухе, закружилась, потом камнем упала вниз.

Захар Никитич прискакал на Сенную вслед за милиционером. Распластав огромные крылья на пыльной дороге, орел лежал неподвижно. Вокруг него, как мухи над падалью, кружились взволнованные люди. Милиционер бросил его в пролетку, извозчик стегнул лошадь. Тогда проводившие его взглядом остановились над лужей крови, качая головами. Захар Никитич слез с телеги послушать, но в кругу столкнулся с высоким худым человеком и вдруг окаменел. Ему показалось, что и человек этот, взглянув на него, вздрогнул, как будто бы раскрыл рот и протянул руки, но тут же окунулся в толпу и пропал за чужими спинами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧЕРНЫЙ ЯР

До Черного Яра от города было берегом верст шестнадцать. Дорога шла меловыми горами, крутыми ухабами и мучила лошадь, как тридцать верст. Захар Никитич на дне ухабов дрожал, оглядывался на густые кусты ветел, осиновой поросли, в'езжая на гору, вздыхал свободнее. Вернулся он домой, как с мельницы,— весь в белой густой пыли, и сам был бледен, как меловая пыль на его спине.

Вечером, едва отмывшись и вытряхнувшись, вышел он к мужикам на завалинку и

тут же тоскливым шопотом рассказал все, что видел на базаре.

Мужики приняли рассказ по-разному. Некоторые посмеялись, некоторые повздыхали, но все одинаково задумались:

— К чему бы это?

— Не война ли с Германией будет?— предположил один,—или с другой державой?

— Может быть, к голоду или мору?

— Нет,—смеясь, сказал Семик, известный черноярский лодырь, старый солдат, пьяница и озорник,—нет. Раз орел, так это, я думаю, к тому, что царь-государь Николай Романов скоро на престол вернется.

Мужики все враз замерли, переглянулись. Захар Никитич покачал головой:

— Что-ж, из могилы, что ли, воскреснет?

— Бывает, что и воскресают,—хихикнул Семик.

— Бывает—и вошь кашляет!—сурово отрезал Захар Никитич, но тут же вдруг оборвался, и все заметили: осунулся, оглянулся в темноту. Видели все, что хотел он что-то сказать, но, заметив прислонившегося к завалинке подпаска Егорку Щукина, обернулся к нему:

— Тебе у нас ноне очередь ночевать, Егорушка?

— У вас,—ответил тот.

— Так ступай в избу, ужинать дадут.

Егорка помедлил:

— Я бы послушал, дяденька Захар...

— Ну, ну. Поешь да выходи.

Захар Никитич крикнул привставши в окно дочери, чтобы покормила пастуха, и Егорка нехотя ушел. Дождавшись, чтобы хлопнула за ним визгливая калитка, Захар Никитич поманил к себе слушателей поближе. Мужики сгрудились вокруг него, а бабы сзади вытянули шеи и замерли. Захар Никитич помолчал, потом махнул рукою и прошептал чуть слышно:

— Все может быть, ребята.

— То-есть как? Царь может быть?

— Про царя не знаю и знать не хочу. А ноне в городе, средь бела дня, на народе, вот этак, как вас вижу,—покойника видел.

В кругу затаили дыхание. В тишину эту с выгона донесся собачий лай и жесткий стук телеги.

— Какого покойника?—отозвался кто-то из круга, невидный в сумерках.

— Ейного!—сказал твердо Захар Никитич, кивая головой и пальцем на только что захлопнувшуюся за Егоркой калитку,—ейного покойника. Егоркина отца.

— Которого расстреляли-то?

— Его самого.

Один общий вздох пронесся гулом в кругу. Старуха Ненила, соседка Захара Никитича, перекрестилась истово, сказала:

— Не отпетый, не похороненный, знамо, бродит его душенька по всему свету белому.

Бабушка Ненила во всех случаях, когда дело шло о явлениях непонятных, а потому таинственных и страшных, имела первое слово.

Высунувшись из бабьих рядов в передние, мужицкие, наскоро она отерла сухие губы костлявыми пальцами и залепетала проворно:

— Не к ночи будь помянут, легко ли ему, хоть и безбожнику, лежать в земле без церковного пения, без ладану зарытому. И ходит и бродит. Да не бойтесь, родные, всякого призрака заговорить можно. А мой заговор и тот не переможет, кто бел-горючь камень алатырь изгложет.

— Да ты уж никак и заговаривать начала,—перебил ее Чугунов,—погоди маленько. Знаешь пословицу: скорый напереди, осторожный назади. Тут надо подумавши.

— Есть о чем мозгами пошевелить!— усмехнулся Семик,—из этой истории может большое дело произойти.

— Вроде как было в третьем году?— заикнулся кто-то из круга осторожно,— это уж лучше не надо.

Мужики замолчали, слушая бабий шопот, похожий на лесной шум. В нечаянной тишине высунулась из подворотни собачонка, взвизгнула, нацелившись тявкнуть в сумерки, но, столкнувшись с человечьими ногами, покорно поджала хвост и юркнула назад.

— Дух его чует, — сказала Ненила серьезно и, оперев локоть на ладонку другой руки, подперла подбородок костлявыми старушечьими пальцами, — встретиться кому-нибудь с ним ночью.

Не одно сердце похолодело вечерней свежестью. Ненила прибавила торжествуя:

— Без петуха за пазухой ночью не выходить только. С петухом не тронет.

О верности этого средства с Ненилой спорить никто не стал. Старуха же, открестившись, залепетала проворно, что-то заговорила:

— Надо панихидку служить, надо заговор читать, чтобы успокоить его душеньку. Пусть она не морочит...

Но в этот момент наскоро поужинавший пастушок выбежал из калитки и всунулся в круг. Захар Никитич цыкнул на старуху, она оборвалась, замолчала. Мужики переглянулись друг с другом, косясь на Егорку, и замолчали. Егорка растерянно обметал всех напуганными глазенками и обидчиво с'ежился в своем тулупчике, понявши, что говорили верно о нем, если вдруг замолчали.

Захар Никитич ласково обернулся к нему:

— Поужинал?

— Спасибо, поужинал.

— Хорошо тебя девка накормила?

— Да, не плохо.

От ласковых слов обида была горчее. Егорка тряхнул головою, отделался от слез и попятился к калитке, чтобы разговору не мешать.

Но разговор у мужиков не налаживался. Женщины жались в круг, и мужики вздыхали, поглядывая в темноту. Там улица спускалась к берегу Волги тем страшным, крутым обрывом, за который и деревня называлась—Черным Яром. Обрыв был прям и высок, он обносил деревню с трех сторон, и ночами казалось мужикам, что их избы тем яром отрезаны от всего остального мира. В действительности почти так и было—дорога до города в меловых горах была трудна, а часто и непроезжа, то из-за весенних полыньев, то из-за разбитых плотин и мостов, а в те годы нередко еще и из-за бандитов, карауливших проезжих горожан и мужиков.

Поглядывая в сторону темного яра, под которым в Волге крутился гиблый омут, робели не только женщины, но и мужики.

Захар Никитич оправился от молчания первым и перевел разговор на другое, смеясь:

— Вот старики говорят: кнут в оглоблю не заложишь, а я между прочим по председателеву делу нашего батюшки племянника Вострецова запрег. Он, ведь, как-раз по этим делам служит.

— Парнишка никудышный,—отозвался невидный из темноты мужик разочарованно,—разве помог?

— В степи и жук мясо!—обрезал Чугунов.

— Дознался, что ли?

— Еще бы не дознаться: он все бумажки показал.

— По нашему вышло?—спросил суровый парень.

— По нашему,—подтвердил Захар Никитич, с осторожностью поглядывая кругом,—по нашему: скрыл председатель шесть десятин за зеленым клином и налогу уплатил рубль с копейками. А Василий Матвеев—так тот бедняком прошел. Все это племянник батюшкин мне показал и исчислил.

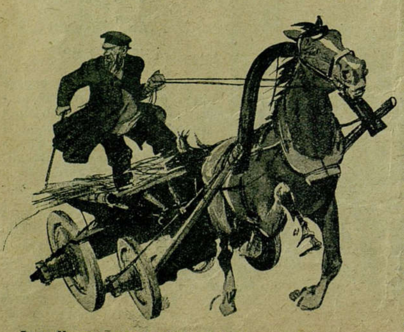
Мужики оживились. Глухой ропот пробежал, как первый ветерок по вершинам дерев, по всему тесному кругу, и из темноты раздались суровые голоса:

— Нет, в председателях Доронина терпеть невозможно.

— По шее обоих—и секретаря и председателя.

— Неужели так все оставить?—встал парень и выдвинулся вперед с решительностью,—нас теснит, с Кузовкина содрали налог за что и не надо, нам никаких послаблений, а сами себя скрывают.

— Да еще побираются!—вставила Ненила проворно;—позавчерась с меня курицу потребовал. Говорит, будто по закону; а какой тут закон, коли общипать

Захар Никитич дрожал, оглядывался на густые кусты ветел...

велел и зажарить, а мальчишка понес к Васильеву. Там всю ночь пьянствовали. Слышь, аппарат самогонный новый поставили, так пробовали.

Ненила покорно замолчала, но бабы вслед за нею тут же развязали языки.

— У меня вчера поросенка забрали,— вздохнула одна;—что это за налоги, родные мои? Он к Осиповым намедни за пирогами прислал,—в счет налога тоже говорит. Да где же это видано, горячими пирогами налог сбирать?

Захар Никитич, помолчав, буркнул:

— Не велик большак, да булава при нем. Надо покорствовать.

— А что же тебе там сказали? Так и останется?

Чугунов помялся, покряхтел, потом сказал тихо, мигая тем, кто был поближе,— на Семика.

— Знамо, останется. Велел Вострецов письменное на него заявление сделать о сокрытии пашни. Да кто же заявлять будет. Знаете поговорку: не ходи по болоту, чорт уши обколотит.

Мужики пересмехнулись и умолкли. Егорка один только высунулся вперед было с раскрытым ртом, но махнул рукою и ничего не сказал—вспомнил обиду и с'ежился в своем тулупчике, как мышь.

Семик посмотрел на него и хихикнул:

— А ты что тут торчишь? Науськиваешь, чтоб председателю утречком доложить?

— Я у него не на службе,—ответил тот,—а за вас тоже хлопотать расчету нет: я бездомовный, бесхозяйный. А только чудно мне, что за свою же шкуру огрызнуться не можете.

Он отвернулся, подумал и ушел. Парень сказал тихо:

— Если заявить, так притянут к ответу. А там все делишки выйдут наружу: и как лес продается на сторону, и как самогонные аппараты с аукциона продают опять по тем же рукам. И все выяснится, почему в других деревнях и газеты, и читалки, и всякая вещь, а у нас одни налоги только.

Захар Никитич неодобрительно покачал головой и, оглянувшись на вернувшегося Семика, обратился к Нениле:

— Ну что же, бабушка Ненила, заговаривать что ли нас будешь от царского нашествия? Не поздоровится кое-кому, ежели как в девятнадцатом году нагрянут сюда белые...

Он оборвался и опять покосился на пастуха. Егорка же, услышав про белых, вздрогнул и сжал кулаки, закусив губы.

Ненила ответила тихо:

— Заговорю, коль миром прикажете. Да только, ведь, заговор—заговором, а лучше всего я думаю—господу богу помолиться. От пущей беды иконы на воротах повесить, чтобы не было напрасной обиды тому двору, который себя в законе и совести блюдет.

И тут же рассказал все, что видел на базаре.

— То верно,—согласился Захар Никитич.—Одним камнем старуха двух собак разогнала: и от насильника, и от мертвого средство.

Семик, долго молчавший и с усмешкой думавший о своем, встал, спросил:

— Ну, а если царь-осударь Николай Романов явится,—пойдете к нему на поклон, а?

Кое-кто отплюнулся, бабушка Ненила добавила:

— Тьфу, типун тебе на язык.

Захар Никитич, по обычаю, усмехнулся в ответ пословицей:

— Рада бы курочка в суп нейти, да за хохол тащут.

Мужики расхохотались буйно и весело. От смеха жуткие тени Черного Яра отступили в мрак над рекою, и, довольные вечером, стали мужики расходиться.

Захар Никитич простился с гостями, положил руку на плечо Егорки и повел его во двор:

— Где лечь хочешь? В избе, или на сене?

— На дворе лягу, чтоб не проспать.

— Ну, ин так-то и лучше. И у соборных попов не без клопов, а у нас в избе и спать не дадут. Ложись на сене.

Он проводил пастуха до сеновала, бросил ему ватолу и, дождавшись, пока он улегся, тихонько побрел в избу, качая раздумчиво бородатой головой.

Видел в ту ночь Егорка опять свой страшный сон: уводили из избы чужие люди отца, хватала их за ноги мать, кусал им руки Егорка. От тяжелого удара отлетел он в угол и лежал там до утра. Утром же увидел он на полу мертвую мать, а у себя на лбу нащупал страшный, запекшийся кровью, рубец, от которого остался шрам и до сих пор.

Сон этот видел Егорка не в первый раз. И, как всегда, проснулся он, дрожа и всхлипывая, потирая на лбу горевший шрам, в котором бились живчики, подергивая легкой судорогой веки мигающих глаз.

В щель сарая, под стреху, забивался розовый рассвет. Егорка вздохнул, потянулся и стал торопливо завертывать ноги в онучи и подвязывать сбитые лапти.

Пастуший бич уже гремел, как выстрелы, в конце улицы и будил деревенский народ.

(Продолжение следует).

Трагическая кончина поэта С. Есенина.

28-го декабря 1925 г. трагически скончался Сергей Есенин, один из лучших современных поэтов. Покойный поэт родился и вырос в крестьянской семье. Большое количество его стихов посвящено деревне.

Читатели «Пионера» знают С. Есенина по поэме «Сказка о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве», помещенной в № 23, за 1925 г.

УЧАСТВУЮТ В ГАЗЕТЕ:

1. Редактор.
2. Кулак.
3. Дьячок.
4. Крестьянин.
5. Пионеры (8—10).
6. Комсомольцы.

Для постановки предлагаемого материала не требуется совершенно никаких декораций. Ставить материал можно где угодно—на сцене, на эстраде, с занавесом и без него. Можно ставить просто на полу, отгородив чем-нибудь кусок пола для сцены. Также можно ставить на улице, выбрав для «сцены» небольшой холмик. Освещение годно любое. Вещей (бутафории и реквизита) никаких тоже не надо. Из костюмов—один поповский. Специальных костюмов кулаку и старику делать не надо. Подобрать из имеющегося кулаку—красную рубаху, жилетку, картуз и сапоги, да под рубаху подушку, вместо живота. «Колодников» изобразить, нарядившись поверх пионерских костюмов в драные куртушки, полушубки, армяки, картузы, шапки и т. д. и замотавшись «по рукам и ногам» в цепи (можно — тонкие). Колодников изображать как можно «свирепее», со «зверскими» лицами, так, чтобы маленьким детям после во сне снились. Конвойным одеть на головы картузы без козырьков, а в руки дать по большой дубине. Чертей изобразить, вывернув тулупы, прицепив к ним веревочные хвосты и надев на голову на тесемочке маленькие рожки. Чертей играть с диким визгом, свистом и воем. В пьесу было бы хорошо привлечь 4—5 комсомольцев для комсомольского выхода и для роли мужика, которого надо сделать стариком. Также к представлению надо привлечь гармониста, который сыграет несколько маршей для выходов и пр. Если ребята сумеют, то к гармошке, как музыкальное сопровождение, прибавить «шумовой оркестр», в крайнем случае можно ограничиться одним бубном.

Всю газету нужно хорошо прорепетировать и вести как можно смелее, увереннее и, главное, быстрее. Для этого надо хорошо выучить наизусть весь текст.

В последнюю сцену, когда поется марш, надо ввести гимнастику.

Редактор: Здравствуйте почтенные, молодые и степенные, очаровательные, симпатичные и всякие различные, все родные и сродннчики наши,—здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

Чтобы у вас не было недоумения, сделаю маленькое раз'яснение. Расскажу вам, что за птица я, и какая здесь должность моя. Видите, я слыву парнем умным и сведущим, и сегодня я здесь являюсь заведующим. Для представления я нужен, как для хозяйства трактор, потому что я—редактор.

Должен сказать, что эта наша газета не просто официальная, а очень специальная. В ней мы не в шутку, а всерьез разбираем лишь один вопрос о том, что это за нация — пионерская организация. Для чего такое она в нашем Союзе создана? Какой от нее кому прок, вред ли это, порок? Есть ли от нее польза какая, или то просто затея пустая. Все это мы разберем не спеша и посмотрим, плоха организация, или хороша. Если она не нравится кому, так увидим — почему. Только просим вас поменьше шуметь, повнимательнее слушать, получше смотреть. Итак, начинаем мы номер наш, ребята, на сцену—шагом марш!

(Музыка играет марш. На сцену быстро входят пионеры, идут по краю сцены, обходят ее кругом и затем от верхнего края идут через центр к нижнему, от центра которого по одному расходятся вправо и влево, образовывая две шеренги. Поют на мотив «Молодая Гвардия»).

Пионеры:
Мы—дети коммунары
И все за власть Труда,
В руках мы крепко держим
Знамя Ильича.
Смелей вперед и тверже шаг,
И выше пионерский стяг.
Мы—смена комсомола,
Мы—дети Октября...

Редактор: Вы видите, пионеры не волки, но вы послушайте, какие про них идут толки, взгляните, кто про них разные сплетни точит и чего этим достигнуть хочет...

(Музыка играет марш. Пионеры (от середины парами) уходят в конец зрительного зала).

Редактор: Сейчас перед вами, своими собственными ногами, выступит некое толстокожее, на человека не похожее. Прошу не пугаться и в обморок не валиться, выступает Обирало Загребалыч Кровопийца. Он вам расскажет собственные наблюдения про пионерское поведение. Чтобы ему повеселее было врать, прошу, что-нибудь подходящее сыграть.

(Музыка играет «Ухарь купец». На сцену с пляской выходит Кулак).

Кулак (поет):
Я всем знакомый вам молодец,
Я — расторопный ухарь-купец.
Об этих ребятах я вам расскажу,
Не скрою ни капельки, все доложу.
Кончились ихние детские дни,
Головорезами стали они.
Их комсомольцы ведут за собой
На драки, на буйства, грабеж и разбой.
Трай-ля-ля-ляй
Трай-ля-ля-ляй
На драки, на буйства, грабеж и разбой.

Редактор: Уважаемые граждане, мы вам не только расскажем, а даже покажем, как этому господину Кровопийце и на яву кажется и во сне снится дальнейшая жизнь пионерская (к кулаку): Наслаждайся, образина богомерзкая (кричит в зрительный зал). Ну что вы там, готовы?

Голос из зала (мрачно): Готовы!

Редактор: Ну, начинай, ребята, старайся, а ты дяденька наслаждайся. Это тебе первый и последний раз, больше такими добрыми не увидишь нас.

(В зрительном зале раздается мерное побрякиванье цепей. Преувеличенно мрачно и зловеще запевается песня, под которую, скованные цепями по двое, охраняемые «конвойными» идут пионеры, вырядившиеся в «разбойные» костюмы).

Пионеры (поют):
Динь, бом,
Динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом,
Динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом,
Динь, бом,
Слышно там и тут.

Кулак (радостно, быстро): Это пионеров всех на каторгу ведут.

(Мотив перехватывается гармошкой, а пионеры, усиленно звеня цепями, рассаживаются «привалом» на сцене. По краям сцены становятся конвойные).

1-й Конвойный (орет): Слу-у-у-шшай.

2-й Конвойный (орет в ответ): Вни-и-и-мммай.

(Водворяется тишина. Пионеры запевают свои «каторжные» песни).

1 Пионер:
Скажи-ка, скажи мне, товарищ,
За что в рудники ты попал?

2 » (мрачно):
Скажу я тебе, братец, всю правду—
Я комсомольцам помогал.

Хор: (На мотив «Понапрасну, Ванька, ходишь»):
Ах скажи-ка мне, товарищ,
Ты за что сюда попал?
Ах зачем же комсомольцам
Ты в работе помогал?
Траля-ля-ля-ля-ля-ля-ля
Траля-ля-ля-ля-ля-ля...
Ах зачем же комсомольцам
Ты в работе помогал?

3 Пионер: (На мотив «Любила Маруся»):
Не любил попов я,
Не любил купцов,
Любил комсомольцев
Только молодцов.
Стать я коммунистом
Только и желал,
А купец за это
В Сибирь меня угнал.

4 Пионер:
Говорила мамка мне,
Не будь пионером.
В Сибирь на каторгу сошлют
Тебя живым манером.

(Хор весело повторяет куплет).

Редактор: Ну как, дядя, так ли ты мечтаешь, об этом ли ты на бобах гадаешь, угадали мы твои думки? Говори, да только откровенно, не ври.

Кулак: Попали в самую точку. Эту картину во сне я вижу каждую ночку.

Редактор (поет): Ай и хочется ему

Хор: Чум-чай-ра, чум-чай-ра.

Редактор: Всех отправить нас в тюрьму,

Хор: Ишь ты
Ха-ха

Редактор: Но скажу я от души

Хор: Чум-чай-ра, гу-ра-ра.

Редактор: Брось и думать, не греши

Хор: Ишь ты
Ха-ха...

Кулак: Граждане, не вру я, поверьте, не дождаться им собственной смерти, не пройдет и год, я сделаю переворот, и умрут они в сибирской равнине, или на горькой осине. Им за их комсомольские делишки припасу я кандалишки.

Редактор: Не довольно ли, братцы, этому дяде распространяться? Не дождаться ему чего он хочет, и пусть идет об околицу язык точит; только вы запомните, что вас морочат, когда такие обиралы нас ругают и порочат. А ты, дядя, хошь и большой огарок, а все-таки возьми от нас подарок.

(Пионеры под музыку снимают с себя цепи, опутывают ими кулака, тот исчезает. Пионеры, проходя по сцене маршировкой, сбрасывают с себя «разбойные» наряды; принимают пионерский вид, выстраиваются в шеренгу—поют)

Пионеры. Мы—смена новой жизни
Не лживой, а другой,
Творить мы будем правду
В коммуне мировой.
Смелей вперед и тверже шаг
И выше пионерский стяг
Мы — смена Комсомола.
Мы—дети Октября.

(Уходят под музыку со сцены).

Редактор: Мы показали вам одни толки, а есть еще бараболки, которые на нас зубы точат и не хуже кулаков порочат. Покажем вам все до конца. Давайте сюда Николу отца.

(Гармония играет грустный мотив. На сцену выходит дьячок. За ним в вывернутых тулупах выходят пионеры. Дьячок встает посреди сцены, а пионеры разбиваются на две группы и образуют по правую и по левую сторону дьячка правый и левый «клиросы». Редактор становится за дирижера).

Дьячок: Послушай, народ греховный,
Я—служитель церковный
И ваш пастырь духовный
Приблизительно.

Пр. клирос: Приблизительно, приблизительно, приблизительно.

Дьячок: Запомните на многие лета
Все, что будет мною пропето,
Ибо песнь моя эта
Удивительна.

Лев. клирос: Удивительна, удивительна, удивительна.

Дьячок: Не укрылось от моего глаза,
Что завелась в деревне проказа
Коммунистическая зараза
Омерзительна

Пр. клирос: Омерзительна, омерзительна, омерзительна.

Дьячок: Всюду буду возглашать я,
Что комсомольская шатья
И пионерская братья
Отвратительна.

Лев. клирос: Отвратительна, отвратительна, отвратительна.

Дьячок: Пошли, господи, пионерам смерти.
А мне, православные, поверьте,
Что все пионеры чистые черти
Приблизительно.

(Оба «клироса» одевают рога и хвосты, и скачут с визгом вокруг попа, припевая)

Все: Приблизительно, приблизительно, приблизительно.

Дьячок И анафемы, бесенятки
Пионеры, чертенятки
Нажгут вам носы и пятки
Основательно.

Все: Основательно, основательно, основательно...

(Редактор становится перед дьячком и ему в тон начинает петь).

Редактор: Ой, и здорово же батя врет,
Хоть и глотку дерет
Основательно

Все: Основательно, основательно основательно.

Редактор: Брось ты, батя, свою аферу,
Потеряли все в тебя веру
Окончательно.

Все: Окончательно, окончательно, окончательно.

(Музыка играет «По улице мостовой». Пионеры в такт прихлопывают в ладоши. Дьячок под музыку «утанцовывает» в зрительный зал. Пионеры разоблачаются и из чертей вновь превращаются в пионеров).

Редактор: Ну, сплетники, теперь наговорились всласть, теперь мы начинаем серьезную часть. Пионер отряд, стройся в ряд.

(Дается музыка «Красная армия». Пионеры выстраиваются).

Поют: Могли б мы еще ковырнуть темноту,
Могли бы еще показать клевету.
Но нам не нужны эти сплетни и грязь,
Нас к свету зовет пролетарская власть.
И все, кто с нами,
Шагай за нами;
Нам жить в потемках не с руки!
Мы новой веры,
Мы—пионеры,
Мы—молодые мужики.

Редактор: Кто трудящихся ведет в борьбе?
Пионеры: Р. К. П.
Редактор: Кто в борьбе упрям и зол?
Пионеры: Комсомол!

(Под музыку на сцену идут комсомольцы. Выстраиваются сзади пионеров).

Все: Гей, комсомолия, марш вперед,
Жизнь на борьбу и работу зовет;
Ведь от тайги до британских морей
Мы, комсомолия, всех сильней.
В нас, юных ленинцах,
Отвага пенится,
И мы веселою гурьбой,
Веселым роем
Мир перестроим
Своей работой и борьбой.
Будем в работе, мы будем в борьбе
Дружно и в ногу итти с РКП.
Нам книги науки и знанья дают,
Нас новой дорогою в жизнь ведут.
И все, кто с нами,
Шагай за нами!
Нам жить в потемках не с руки!
Мы—комсомольцы,
Мы—пионеры,
Мы—молодые мужики!

(Из зрительного зала на сцену вылезает мужичок. Волнуясь, обращается к сидящим).

Мужик Слушайте, братцы мои, земляки,
Бабы, старухи и вы, старики.
Дай-ко послушаем этих ребят,
Вроде как дело они говорят.
Наши ребята хотят поучиться
И над землей по-другому трудиться...
Ежли ребята возьмутся умело,
Может, глядишь, и получится дело...
Дайте ребятам побольше простору,
Это не плохо, что много задору;
Этот задор у ребят не плохой.
Мы проходили весь век за сохой,
Ну, а они бородой обрастут,
Может, с машиной на пашню пойдут...
Я напоследок скажу, земляки,
Наши ребята растут в мужики.

(Дается дробь барабана, ребята строят пирамиду).

Поют К свету, науке
Из темного плена
Смело шагает
Мужицкая смена.
Будем примером
Юных борцов,
Продолжим дело
Наших отцов.

(Пирамида рассыпается, ребята на ходу строят гусеницу, после чего дается фигурная маршировка, с которой пионеры покидают сцену).

Конец

НАША ЖИЗНЬ

В ДЕРЕВНЮ С ПЕСНЯМИ

Наш отряд им. Зиновьева взял шефство над школой деревни Челющивичи. Это было в августе сего года. Как раз тогда там была районная сходка пионеров и комсомольцев. С того времени деревенские ребята никакой помощи от нас не имели.

Но вот наступает наш великий праздник Октябрьской революции и мы в тот же день 7-го ноября после митинга идем в свою подшефную деревню. Пришли мы туда вечером. Обошли несколько раз деревню с песнями и скоро, ведя за собой целую толпу крестьянских ребятишек, пошли в театр. Там мы расселись по местам, тихо, без толкотни. Предупрежденные вожатым отряда, мы во всем старались быть примерными.

Сидя на скамейках, мы беседовали с крестьянскими детьми о их жизни в школе, об отношении учителя к ним и т. д. Мы, со своей стороны, рассказывали им о пионерских отрядах, о их пользе. Многие проявили желание поступить в пионерскую организацию и спрашивали, кто записывает в пионер-отряд, организуется ли у них в деревне отряд. Задавали еще много других вопросов, на которые им давали исчерпывающие ответы. Видно было, что ребята интересуются пионерской жизнью.

Скоро театр заполнился не только детьми, но и взрослыми парнями и девушками. Были и старики. Пионеры продекламировали несколько стихотворений, и была поставлена пьеска. Сюжет пьесы был всем ясен, и поэтому пьеска всем очень понравилась. Затем было устроено торжественное заседание. В президиум были приглашены—кроме представителей от пионеров—председатель сельсовета, несколько пионеров и учителей. Все выступали с приветствиями. От крестьян—председатель сельсовета, от крестьянских детей приветствовали школьники. Также приветствовал нас учитель. Все одного желали: укрепления нашей связи. После торжественного заседания вожатый отряда вручил учителю номера «Ленинских Искр» и «Белорусский Пионер».

Затем мы пошли в деревню, где секретарь ячейки нас разместил по домам. Назавтра мы пошли домой.

Пионерка Тайба Эгенбург.

Минск.

УДАЧНАЯ СМЫЧКА

Воскресенье, ясный хороший день, светит солнце, хотя уже ноябрь месяц. Сегодня нам предстоит идти на село всем отрядом, сбираются очень медленно, но собрались и с флагами и песнями пошли на село. Дорогой почти все время не стояли в рядах, каждому, ведь, хочется посмотреть вновь открывающиеся маленькие шахтенки и, влезши туда, пофорсить, что «я, мол, не то, что ты, и не боюсь темноты этой шахтенки».

Но вот и село, везде серeющие и белеющие низкие крестьянские избушки. В деревне сейчас шумно, сегодня, ведь, воскресенье—день отдыха, и это доказывают сидящие на лавочках или просто на дрючках молодые люди, ожесточенно грызущие семечки. На нас, пионеров, смотрят как-то равнодушно, как на самых постоянных обывателей.

Подходим к школе, там сейчас мало ребят, но как только разнеслась весть, что пришли горско - ивановские пионеры, сейчас же двор наполнился деревенскими ребятами, и мы затеваем игры. Игры идут очень оживленно. За играми было пение, к которому деревенские ребята, особенно девочки, очень пристрастны.

После, когда уже наигрались и напелись, было собрание, был доклад о шефстве, по которому деревенские ребята оживленно выступали в прениях и задавали вопросы.

Деткор Пашко Малюков.

Донбасс.

Пионерка кормит теленка.

Деревенские пионеры на крестьянском дворе.

ЗВЕНЬЯ РАБОТАЮТ

Хотя наш отряд существует больше двух лет, но до осени сего года никакой общественной работы не проделывал. Сидели, как говорится, в четырех стенах.

Только в августе с г. мы задумались над этим вопросом. Мы сами себя спросили: «Почему нам никакие организации не помогают? Почему на нас смотрят не так, как надо?» И решили: потому, что мы не несем общественной работы. А потому—надо подтянуться.

Постановление не осталось бумажным. Вмиг к учреждениям и организациям прикрепили звенья: к сельсовету, к избе-читальне и т. д. Теперь звенья заработали. Крестьяне лучше стали к нам относиться. И уже некоторые учреждения интересуются: «Ну, как у вас». Теперь мы вздохнули. Авторитет поднят. Как-то веселее стало работать. Мы—общественники. Это слово радует нас, и мы всеми силами стараемся оправдать его.

Пикор Калфаян Владимир.

г. Белая-Калитва.

РАБОТА ПОРЕЦКИХ ПИОНЕРОВ

В настоящее время в с. Порецком находятся 3 отряда юных пионеров. В каждом отряде насчитывается не менее 50 человек, из которых до половины девочек.

При отрядах у нас организован кружок пикоров, в котором насчитывается 28 пионеров. Пикоры издают свой рукописный ежемесячный журнал «Пикор на смену».

Работаем... Делаем сборы... Но в каком помещении?.. А вот в каком—здание большое, три комнаты, окна тоже большие, но в комнатах темновато — в иных местах вместо стекол прибитые доски. В отряде денег нет, вик не вставляет, ну, и загородились досками от ветра.

Хотя и темно, но все стены у нас заняты уголками: «Ильича», «пионера», «Запада», «безбожника», «печати». Издаем отрядные стенные газеты. В одной комнате помещается «Пионерская читальня», где и находится «уголок печати». Также в этой читальне находится «музей» — и мелкая, и большая работа была сделана пионерскими руками.

В конце этой зимы пионеры призадумались, а что, если нам сделать «весеннюю, зачетную выставку». На собрании пионеры согласились, как один. Начали... Работали над этим долго. И 23 апреля, в день рождения Ильича, выставка открылась. Пионеры этой выставкой добились того, чего они хотели: через выставку пионеры показали работу своим родителям, которые не знали, что их дети там делают. После выставки также записались в отряды несколько беспартийных ребят.

Вскоре после выставки при первом отряде организовали группу октябрят, которыми руководят пионеры—комсомольцы.

Кроме своей клубной работы пионеры также не забывали и общественно-культурной работы. Не проходило ни одного революционного праздника, где бы пионеры ни принимали активного участия. Пионеры выступают с пьесками, песнями, декламацией, физкультурой и т. д. Кроме того, пионеры работают по избам-читальням, по другим волостным отрядам.

В «Международную детскую неделю» каждый день у нас был занят выполнением лозунгов детнедели. В продолжение всей недели мы старались как можно больше собрать денег и послать их западным братьям-пионерам.

Общественно полезная работа у нас хромала. Но на комсомольской конференции указали нам на этот недостаток. Мы после на это обратили самое серьезное внимание. И звеньями стали помогать крестьянам по уборке хлеба, молотьбе и т. д. Совместно с комсомольцами чинили гать. Вообще эту работу налаживали.

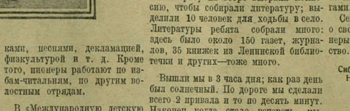
Еще стоял серьезно вопрос с родителями. Не пускают пионеров в клуб да и только. Тогда мы собрали родителей и с ними беседовали о том, как пионер должен вести себя в семье. И договорились с родителями, чтобы они их пускали в клуб. Пионеры говорили, что им надо работать дома и убегают из отряда, а родители говорят, что им надо идти в клуб на собрание. Тогда мы сделали для пионеров карточку по учету времени. Эта карточка показала, что пионеры много тратят времени бесполезно. В клубе им дали начачку, после чего дело пошло гораздо лучше.

Вообще мы все больше и больше укрепляем советскую деревню.

Василий Перфильев.

с. Порецкое. Алатырского у., А.Ч.С.С.Р.

НАВЕРХУ: Сбор деревенского отряда. ВНИЗУ: За сеном.

НЕ ЗАБЫВАЕМ О ДЕРЕВНЕ

На последнем сборе коллектива у нас стоял вопрос о взятии шефства над селом. Так как этот вопрос серьезный, то ребята его порядочно времени обсуждали. Наконец, решили взять шефство над селом Волоским, лежащем от нас в двадцати верстах. В этом селе коллектив был очень слабый. Кроме того, оно лежит далеко от города, и литературу туда пионерскую не привозят, так что наша помощь требовалась.

Мы сразу на сборе выбрали комиссию, чтобы собирали литературу; выделили 10 человек для ходьбы в село. Литературы ребята собрали много: здесь было около 150 газет, журналов, 35 книжек из Ленинской библиотечки и других—тоже много.

Вышли мы в 3 часа дня; как раз день был солнечный. По дороге мы сделали всего 2 привала и то по десять минут. Наконец, когда стало вечереть, мы, усталые, дошли до села. Не зная, где находится сельсовет, мы прошатались по селу около двух верст, пока один крестьянин не указал нам, где живет предсельсовета.

Завели нас в театр. Там, кроме нас, были еще гости из города—шефы сельского комсомола. Они устраивали совместный вечер. Усталость наша совсем исчезла. Скоро к нам подошли сельские пионеры, начали нас расспрашивать о нашей жизни, мы—о их, и так прошло время. Назавтра мы решили устроить об'единенное собрание и пошли спать в сельскую школу.

Чуть рассвет настал, а все пионеры уже на ногах. Пошли мыться к реке, недалеко слышен гул порогов. Ребята предложили пойти посмотреть. Пришли. Красочная картина открылась перед нашими глазами: шумящие пороги в тихих местах, мельницы, работающие между огромными камнями, снуют рыбаки в утлых челнах. Бывшая с нами пионерка Маня даже не удержалась и вскрикнула: «Как они не разобьются!»

Звонкая песня заставила нас взглянуть по направлению к деревне. Больше 80-ти сельских пионеров с песней подходили к нам. Наскоро поздоровавшись, уселись вокруг на травку и начали беседовать. Один из наших рассказал, как мы работаем в городе, как устроен наш коллектив. Они тоже ознакомили нас с их жизнью и жизнью села. Рассказывали, что главный недостаток это то, что нет литературы. Мы обещали почаще приносить им литературу и сами приходить. На прощанье мы пригласили их к нам на вечер, и они обещали притти.

После беседы мы играли в различные игры, пели песни и потом, искупавшись, пошли домой.

Вот как мы связались с сельскими пионерами.

Ким Серебряный.

Екатеринослав.

ЧТО СДЕЛАЛ КРУЖОК ПИКОРОВ

Когда организовался наш кружок пикоров, в нем было только 5 человек, а других ребят нельзя было затащить, потому что они еще не знали целей и задач кружка и также не имели понятия о стенной газете.

Когда пикоры на отрядных сборах стали ставить вопрос о стенгазете и о задачах и целях кружка пикоров, после этого ребята все поняли и стали ходить в кружок. В кружке уже стало ребят 15 и работа стала налаживаться. Обсудив стенгазету всем кружком, мы решили в ней сделать след. отделы:

1. Отдел текущих революционных кампаний. 2. Наша жизнь. 3. Веселый. 4. На перо пикора. 5. Пошевели мозгами.

Сейчас к нам в стенгазету пишут о своей жизни даже деревенские пионеры, над которыми мы держим шефство.

Деткор В. Зворыгин.

Сибирь, г. Ново-Николаевск.

ЮНЫЕ АВИАТОРЫ

В задней комнате нашего центрального клуба приютилась мастерская летающих моделей. Здесь с раннего утра и до начала занятий звеньев (4 ч. веч.) копошатся ребята. Целый день слышатся веселые возгласы, визг лобзика, песни. Некоторые строгают пропеллеры, другие—выпиливают колеса, а третьи—внимательно изучают схемы устройства моделей.

Готовые модели пробуются здесь же, на улице, перед клубом. Сильно огорчаются ребята, когда, несмотря на все старания, модели не хотят летать. Неудачника засыпают советами: «ты посмотри, у тебя резина зацепилась», «пропеллер неправильный»...

Но не все модели выходят плохими, есть и такие, которые летают довольно прилично.

Часто к ребятам приходит секретарь Авиахима нашего городка, помогает им указаниями и приносит новые схемы моделей.

Работа как-будто кипит, но есть и большие недочеты. Один из них тот, что с ребятами не проводятся беседы о работе и значении Авиахима.

Деткор Ралий.

Георгиевск. Терской округ.

Громадные тыквы, выращенные пионерами на биостанции юных натуралистов в Москве

ИЗ ДАЛЕКОЙ СИБИРИ

Здравствуйте, дорогие товарищи, юные пионеры.

Мы, юные пионеры-школьники из далекой Сибири шлем вам свой братский привет. Желая с вами заочно познакомиться—пишем вам это письмо.

Мы, школьники-пионеры школы I ступени, недавно записались в отряд юных пионеров. Недавно на своем пионерском собрании подняли вопрос о том, чтобы завязать переписку с пионерами других отрядов, и в первую очередь решили к вам, в Москву.

Отряд юных пионеров у нас в селе Мерзло-Салбинском существует уже другой год. Но в первом году у нас в отряде было только 18 человек пионеров, и работа шла плохо. А нынче, как только открылись занятия в нашей школе—у нас в пионеры записалось 40 человек и, значит, составился целый отряд. У нас есть вожатый и вожатые звеньев. Занятия с пионерами начались недавно, и до сего времени еще занимаемся плохо.

У нас нет пионерских книжек и пьес, нет журнала. Мы сильно во всем нуждаемся и не знаем, откуда ждать помощи. У нас нет ничего, и никто нам не поможет. Работа у нас хромает.

Местечко, в котором мы живем и учимся—плохое, таежное, заброшенное. Летом стоит непролезаемая грязь, часто идут дожди, хлеба родятся плохие, да и те часто вымерзают. Недаром нашу Салбу зовут «Мерзлой». В нашем селе насчитывается до 300 домов. Раньше наше село было волостью, а теперь у нас в Салбе изба-читальня имени М. И. Калинина, есть о-во потребителей, школа. У нас в школе 4 группы. Учеников в школе 120 человек. С нами занимается учитель Петр Дмитриевич Юдин и учительница Мария Никитишна.

Наша Салба стоит в яме между гор, в тайге. До районного села Абаканска 50 верст. Два раза в неделю из Абаканска приходит почта и привозит письма и газету, а нам, пионерам ничего не привозит.

Вот и желаем мы, чтобы вы, москвичи, писали нам письма и помогали нам. Будем очень и очень рады получать от вас письма и писать вам.

Наш пионерский отряд состоит из 40 человек, из них 15 девочек и 25 мальчиков. Вожатым отряда состоит ученик 4-й группы комсомолец Самотугин Григорий. Пионерские занятия бывают 3 раза в неделю. Мы изучаем заветы ИЛЬИЧА пионерам, а также проходим военный строй и после играем.

Мы живем в далекой Сибири. От нас до Москвы, т.-е. до вас очень далеко. Мы про Москву только слыхали, да читали, на карте видели кружок со словом «Москва».

Нам интересно было бы получить от вас письмо, в котором выписали бы нам про Москву, про свою жизнь о Москве, про пионеров и вообще про все, про свое...

Нам это узнать очень интересно. Мы ведь, живем в глухом таежном углу и ничего не знаем. Мы не видим ни паровоза, ни аэроплана, ни автомобиля.

Мы деревенские. Мы все время живем в деревне и нигде не бываем. Многие из нас даже в Абаканске не были, а в городе Минусинске из нас никто не был. От нас до Минусинска 120 верст, а до Красноярска 500 верст.

Дорогие товарищи пионеры, у нас к вам большая просьба, не будете ли вы так добры найти нам в Москве шефа, который бы помогал нам работать. Поговорите там с пионерами и комсомольцами.

В шефе мы сильно нуждаемся. А пока писать кончаем, на первый раз хватит. Пишите теперь вы нам. Письмо будем ждать с нетерпением.

Пишите товарищи нам, не забывайте нас пионеров-сибиряков. Остаемся живы и здоровы, того и вам желаем.

С пионерским приветом пионеры Сибири села Мерзло-Салбинского: **Самотугин Григорий, Селицкий, Реуцкая Маня, Юрчук Василий, Герасимович Николай, Юрчук Мария, Федорецкая Аня, Гинелицкий Климентий, Герасимович Владимир, Казанов Терентий, Сморгунов, Караньев Винце, Реуцкая Любовь.**

Наш адрес: Абаканское п/т отделение, Минусинского окр. Сибирь, село Мерзло-Сабинское, школа I ст. пионерам.

НУЖЕН ЛИ НАМ ПСЕВДОНИМ

Несмотря на то, что пионерский корреспондент в достаточной мере как-будто защищен от каких бы то ни было преследований в его работе, все же наблюдается, что все пикоры, беря пример с юнкоров и рабкоров, предпочитают подписывать свои заметки выдуманными названиями. Кажется, что этого пикорам делать не следует.

Бывают случаи, когда пикор подписывается так или потому, что он пишет в газету, не проверив факты. Он думает, если даже напишет и неправду, так все равно никто не узнает. Если же мы будем подписываться своей фамилией, это, во-первых, научит ребят писать только то, что есть, а не выдуманное, и тогда ребята привыкнут вообще писать о всех ненормальностях правдиво, не боясь, что те, о ком писано, обрушатся на него. Случаи преследования за обличительные заметки у нас частеньки.

Наше мнение—посылая свои заметки, не нужно скрывать свою фамилию, а подписывать таковую и не прятаться за вымышленным псевдонимом.

Желательно, чтобы пионерский актив высказал на страницах журнала свое мнение.

Деткоры: **Э. Дворкин, М. Флейшер**
г. Верхнеудинск.

В мастерской

Г. Никифоров

АНДРЕЙКИНО КРЕЩЕНИЕ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ.

Андрейка следит, как бы Антон не ушел без него.

События происходят в 1905 году. Андрейка, будучи братом Антона, видного подпольщика - большевика, принимает самое живое участие в движении, его используют для связи между районами, он распространяет прокламации, помогает в подпольной типографии в работе.
Мальчик бойкий, смышленый, Андрейка успевает всюду, но он не только наблюдатель, он работник и чувствует себя коренным участником в борьбе рабочих за свое освобождение.

Целый месяц живет Андрейка непонятной, немного жуткой, но интересной жизнью. Каждый день, с утра до вечера, бегает, сломя голову, в грязи осенних луж города. Встречь бьет октябрьский сырой ветер, сверху из вз'ерошенных серых облаков сочится дождевая пыль, часто лепит мокрый снег и тут же тает. Изредка в середине дня пробежит, ныряя в лужах мостовой, бледное, совсем голое и перепуганное солнце.

По утрам, чуть только рассвет сотрет ночную тьму, Андрейка, натянув сапоги и торопливо прихлебывая горячий чай, следит, как бы Антон не ушел без него.

Тревожные слова матери мимо.

— Ты чего сопишь—будто воз везешь? Куда опять собрался, ни тьма—ни заря?

Молчит...

— Носит тебя нелегкая. Смотри, угодишь где-нибудь под казачью плеть, засекут, зверье—народ.

— Не угожу, я с Антоном.

— С Антоном. Есть ему когда за тобой доглядывать. Сидел бы, басамыка, поди-ка без тебя не обойдутся.

— Все на улице,—возражает Андрейка,—ты не бойся, я прибегу. Дай каравайчик!

— Знаю твое скоро, до ночи пропадешь, поесть некогда и учиться бросил... Что это будет?

Антон, молчаливый и немного насупленный, косит глаза на Андрейку. Под усами крадется едва заметная улыбка.

— Напрасно, мать, все равно не удержишь, в такие дни никто дома не усидит. Пусть идет, куда денется?

Нырнул Андрейка в двери вслед за Антоном, пережевывая на ходу горбушку хлеба.

Что ворчала вдогонку беспокойная родительница,—не слышал.

Сегодня начался день особенно занятно: из каждого переулка поет народ, забивая улицы и площадь живой бурливой волной. Куда идут,—неизвестно.

Антон, выгнувшись и обходя других, шагает так, что в его ширине шага—три Андрейкиных. Андрейка прыгает за ним через лужи, пыхтит, как паровоз, и задыхается.

При выходе из переулка на Тверскую—затор: на высоких выхоленных лошадях, помахивая нагайками, мечутся драгуны, оттесняя толпу.

Свист, крики и ругань. Молодой мастеровой, выбравшись вперед, поет тут же сочиненную неизвестно кем песенку:

«Царь Николашка издал манифест—
Мертвым свободу, живых под арест».

Он воинственно наскакивает на лошадей и, обращаясь к толпе, кричит:

— Жми, товарищи, ни черта не будет, гони опричину.

В толпе опасливые голоса:

— Запорют.

— Чорт ли баить, страшно, подумаешь, пусть попробуют, у нас тоже гостинец имеется; это что, видали?

Мастеровой выхватывает из кармана револьвер и тычет в бок лошади. Лошадь бросается в сторону, кто-то схватил мастерового за полу и поволок в толпу.

— Товарищи, осторожно с оружием, нельзя стрелять. Это провокация.

Драгун бьет шпорами в бока лошади и врезается прямо в гущу людей. Лицо его исказила злоба, он стискивает зубы и, наклонившись вбок, бьет нагайкой, коротким размахом, по лицу стоявшей по близости женщины.

На секунду отчаянный визг заглушает все: стена людей подалась назад, вглубь переулка, но через минуту с яростным криком двинула вперед, выдирая камни мостовой и бросая их в лошадей и седоков.

Драгуны схватились за шашки, но тут же трое из них были выброшены из седел и барахтались в грязи. Лошади, почувствовав себя свободными и напуганные криками, взлягивая под ударами камней, поскакали вдоль улицы; остальные драгуны бросились на помощь к товарищам.

Завязалась свалка; где-то отчетливо треснул выстрел и в мозглой сырости потянуло пороховым дымом.

— А-а-а—прохвосты, свободу об'явили, манифесты печатали, черти, а теперь бить, убивать, нне-ет, мы вам покажем, как шутки шутить!

— Товарищи, на Никитскую, туда понесли.

Андрейка не расслышал, что еще кричали в толпе. Антон схватил его за рукав и оба побежали за угол.

В очищенную от охранителей улицу хлынул народ.

Андрейка оторвался и, споткнувшись, упал в углубление подвального окна.

— Чорт его знает, ничего не разберешь, куда бегут.

Покуда вылезал и отряхивался, Антон исчез.

Толпа захлестнула Андрейку и понеслась вниз по бульвару. Кое-где из открытых ворот домов выглядывала полиция, поблескивая начищенными бляхами.

Бежавшая по тротуару женщина, одетая в мужское пальто, грозилась и кричала:

— Попрятались, голубчики. Отошло ваше время, погосподствовали, сволочи.

Около угла Никитской толпа растеклась вправо и влево. Андрейка неожиданно наскочил на движущуюся цепь людей. За цепью шли, построившись в ряды: студенты, рабочие, курсистки, солдаты и офицеры в шинелях, но с закрытыми погонами. Потом появился гроб, а впереди, шагов за двадцать, Андрейка увидал Антона, шагавшего с венком в руках. Проскользнув через цепь, догнал брата.

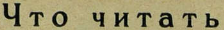
Антон обрадовался:

— Ты откуда вынырнул? Я уже думал, тебя задавили. Смотри, не отставай теперь, на Ваганьково пойдем. Видишь, сколько народу, вся Москва высыпала.

Андрейка глаза растерял: впереди высокая, стройная женщина, с непокрытой головой, несла бархатное знамя; голова была откинута немного назад, большие глаза переливались синевой, как будто в них застрял кусочек солнца, но на лице и в концах губ изогнулась строгая и сухая печаль.

Напрягая мысль, Андрейка пытался припомнить: где и когда видел он такую же женщину со знаменем, только у той волосы были распущены, правая рука поднята высоко над головой, в левой развевалось знамя, а позади шли тысячи людей, потрясая оружием.

Мысли прыгали, скользили и прятались... Увлекало торжественное, стройное

Г. НИКИФОРОВ. — Андрейкино крещение. Повесть.

Повесть Г. Никифорова «Андрейкино крещение» — отрывок из которой помещен в этом номере нашего журнала, рассказывает об участии 14-летнего мальчика Андрейки в революции 1905 г.

В книжке описываются бои на Пресне в Москве, убийство тов. Баумана, борьба революционных рабочих.

Советуем читать эту повесть, которая правдиво и интересно говорит о захватывающих событиях 1905 г.

Г. Никифоров

На пути Повесть.

«На пути», напечатанная в «Пионере» в 1925 г., переносит нас на двадцать лет позже. В ней описана пионерская жизнь и работа. Это история двух ребятишек, их похождения в деревне, учеба и работа в городе.

Повесть читается с большим интересом, как и все произведения писателя Г. Никифорова.

пение, от времени до времени оно прерывалось выкриками.

«Долой самодержавие, да здравствует свобода!»

Выкрики подхватывались тысячами голосов и, перекатываясь, шли по рядам.

Из окон домов, с балконов и крыш махали красными платками.

Гордо выпятив грудь, Андрейка шагал рядом с братом, воображая себя полководцем. Единственным его желанием было ехать впереди всех на лошади, махать обнаженной шашкой, как полагается настоящему полководцу, и греметь в трубу.

Около кладбища цепь прорвалась, пропуская гроб.

Протискавшись вперед, Андрейка взлез на дерево.

Красный гроб поставили рядом с могилой. И вот в наступившей тишине поплыли, переплетаясь, звуки тысячеголосого хора:

... «Ве-е-чна-а-ая па-а-мя-а-ать».

Потом из кольца, окружавшего гроб, выскочил коренастый седобородый старик; взобравшись на скамью, он потряс фуражкой и заговорил.

Начал он тихо, чуть ли не шопотом, но с каждым словом голос его крепчал и под конец зазвенел, как наковальня под ударами молота.

— Товарищи! Светлые дни победы рабочего класса омрачились смертью старого борца за свободу.

На знамена восстания брызнула горячая кровь и зажгла наши сердца.

Рукой черносотенца Михальчука был убит один из виднейших революционеров—товарищ Бауман.

Только что освобожденный из тюрьмы, он вместе с нами пошел на приступ, на последний бой с самодержавием, и первый пал жертвой.

Октябрьские дни 1905 года будут памятны нашим детям.

Проклятие убийцам! Здесь около гроба погибшего товарища мы поклянемся отомстить за его смерть!

К оружию, товарищи, на баррикады!

Андрейка чувствует, что у него начинает что-то остро жечь в груди, он смотрит сверху вниз на брата, машет ему и кричит звонко во всю силу легких, покрывая глухой гул толпы:

— На баррикады, товарищи!

Знамена медленно склоняются.

Вдруг глаза кричавшего Андрейки ткнулись в открытый гроб и, расширившись, остановились.

Бледное и покойное теперь лицо он видел совсем недавно. Это было в тот день, когда в сумрачных улицах города заплясал праздничный день. Люди ходили пьяные от крикливой радости: при встречах целовались, трясли друг другу руки и, остановившись, читали вслух царский манифест 17 октября 1905 года.

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой тяжелой скорбью преисполняют сердце...»

— Брось, давай дальше, — прерывали нетерпеливые голоса.

— Чего там...

«На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной воли нашей».

— Ага, «возлагаем», ну, ну...

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

— Даровать. Ах, чтоб тебя черти...

«2. Не останавливая предназначенных выборов в государственную думу, привлечь теперь же к участию в думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку».

— Порядок. Знаем мы порядок: боятся, как бы господ не изобидели. А заводы где? Почему про заводы не указано,—кричал пожилой рабочий, выпирая грудью вперед.—Свобода для народа, голобрюхому ходить — ишь, ведь, освободители глаза замазывают.

— Так нельзя, господа, — возвысил голос чтец,—государственный аппарат требует, чтобы все по закону. В манифесте ясно сказано:

«3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

— Чего лучше,—вмешался рабочий,— выходит опять от их же власть наставлена будет. Эх, вы! Обрадовались... Нет, если по нашему, дак уж...

— Чего, по вашему? Ну-ка, скажи чего?—подскочил к рабочему низкорослый толстый человек в засаленном пиджаке с подоткнутым под ремень фартуком.— Заводы понадобились, хозяев не надо, царя не надо, так что-ль?

— Граждане, граждане!..

— Нн-е-ет, погоди, пусть он скажет,— петушился толстяк.

Что ответил рабочий и ответил ли, Андрейка не слышал. Зато отлично помнит, как потом небольшие кучки рабочих стали об'единяться. Число их росло, появились откуда-то красные флаги; толпа быстро увеличивалась, как пущенный под гору снежный ком.

Люди с флагами вышли вперед. Голос высокий и звонкий запел:

... «Отречемся от старого мира».

Толпа дрогнула, сотни ног жахнули о камни мостовой, улица загрохотала, заволновалась.

Андрейка, пританцовывая, шел по тротуару.

Вышли на Немецкую. Около фабрики Дюфурмантеля новая толпа рабочих; они молча наблюдали приближавшихся демонстрантов, не решаясь, видимо, присоединиться. И вот тут шедший впереди всех человек вскочил в пролетку случайно подвернувшегося извозчика и, захватив красное знамя, поехал к ожидающим рабочим.

Неожиданно из ворот фабрики Щапова выскочил рослый детина и, размахивая длинной железной палкой, бросился наперерез извозчику, быстро приблизился к пролетке и с силой ударил по голове сидевшего со знаменем.

Демонстранты в ужасе замерли.

Медленно склонилось знамя, и тот, что лежал теперь в гробу, покачнувшись, упал навзничь, без единого крика и стона.

Нечеловеческий вой и крики: «держи, держи».

Андрейка в оцепенении закрывает на минуту глаза, хочет бежать, дергается

Андрейка увидел Антона с венком в руках.

...Читали вслух царский манифест 17 октября

на месте, разнимает руки и валится с дерева прямо на плечи подошедшего Антона.

— Андрейка, заснул, что ли?

— Антон, слушай, я знаю, знаю...

— Что знаешь, да ты проснись, вот чудак.

— Его знаю, которого схоронили, товарища Баумана.

— А знаешь, так запомни.

— Запомню, Антон.

Вечер. Тяжелой запотевшей грудью ложатся на деревья тучи.

— Идем, Андрейка, надо отнести знамена туда на Моховую, в университет.

Между могильных плит, памятников и покосившихся крестов по намокшей листве шорох ног.

Где-то заплутавшимся земляным валом хватает обувь липкая грязь.

Ленивый дождь нехотя вышел на ночное дежурство. Вдоль заборов и стен крадется хныкающий и бесприютный ветер, редкие фонари затылком в улицу, глазами в щели стен. В воротах темные дыры, при слабом свете спички блеснет и тут же скроется начищенная медная пуговица, не то трехгранный штык, мертвым языком вверх.

— Не упускать из виду.

— Слушаюсь-с...

— Будут расходиться, катай.

— Так точно.

Возвращаются нестройно разомкнутыми рядами, отдельными группами, говорят вполголоса, ни выкриков, ни пения.

— Поздно, надо уходить.

— Подождите, товарищи, будет митинг.

— Где же? Промокли и продрогли, непогодь.

— Да... Ну, мы направо, до утра, значит. Шли бы до дому, товарищ.

— Нет, что уж, тут недалеко теперь.

— Странно, может быть, не встретимся.

— Может быть.

— Э-э, вот чорт, на то идем.

— Правильно, чего там.

Нет улиц... Серые, промокшие стены домов — пустынный мертвый коридор. Изморозь и мгла, цепляясь за выступы, падает под ноги. Навстречу медленно выплывает бледное пятно.

— Устал, Андрейка?

— Нет, ничего, ноги только.

— Что, промочил? Ну ладно, сейчас дойдем. Михайловский манеж вон.

Спотыкаясь в ухабах, первая группа со знаменами повернула за угол в ворота университета.

Длинный, белый, как огромный катафалк, выпирает Михайловский манеж.

— Нны-и-и, так, так, так, так...

— Ррр-а-ах, рр-ра-ах...

— Бери ниже, ниже, чорт! В небо целишь, дьявол!

— Вва-аш...

— Молчать, свол-а-ач!

— Товарищи, берегись!

— А-а-ам-м.

— А-а-а...'

— Антон, Антон!

— Ложись, Андрейка, ложись.

Знамена под ногами, полосами кровь в черной и густой грязи.

Ссаживая колени о камни, Андрейка ползет за Антоном, перепуганный и дрожащий, как убежавший из-под брюха матери щенок. Прижимаясь к земле, ощупывая стены, к окнам подвального этажа.

— Откройте, спасите, товарищи.

Тихо. Мелькнул огонек и пропал.

— Так... Ррах, так, так, так...

— Пусти, Андрейка. Не хотят, мерзавцы.

Антон изгибается, выдвигает ногу, нажимает каблуком сапога; треньская, сыплются стекла.

— Лезь сюда, давай руку,—командует Антон. Задирается тужурка, заправленная в штаны рубаха переползает на голову, осколки царапают голое тело. Андрейка нащупывает пол.

Бегут по сводчатому проходу. Выстрелы рвутся глухо.

Несколько ступеней вверх—полукруглый зал. Натыкаясь в темноте на стулья и столы, пробрались к окну.

— Подожди, Андрейка, я первый, прыгать придется, не бойся, невысоко.

Антон бесшумно скользит вниз; через минуту тянутся руки, слышится команда.

— Ну, гоп, раз — два, смелей.

Ничего не видно. Андрейка боится оглянуться назад, ежится, вбирает голову между плеч, кажется: вот, вот схватят из темноты пустого зала длинные, цепкие руки, будут душить. Перебрасывает ноги через подоконник, рвет ветер, полы тужурки надуваются парусом. Андрейка закрывает глаза и падает. Ногами угодил Антону в живот; брат скользит по мокрому откосу и валится в лужу.

— О, чорт тебя...

— Я...

— Тише, тише, не ори.

Огляделись. Из-за крыш боязливо выглянул кусочек луны, мигнул—скрылся. Еще гуще тьма.

Сердце лезет в горло, дышать нечем, в груди палит.

Никитская разлеглась во мгле, вся осклизлая и упрямая, как серая беспричинная тоска. Бегут до Кудринской. Хлипко жалуется под ногами жидкая грязь. Холодно и сыро.

Отчего так тяжело давит и пахнет густым запахом мертвечины?

— Антон, Антон, остановись, устал я...

Ноги отяжелели, одна мешает другой.

Антон молчит до Сенного базара. Остановился на выходе улицы, прислушался и грузно плюхнулся на ступени торгового лабаза, голова упала между остро выступающих колен.

Глухо сжимая зубы, застонал.

— У-у-у-ммм! Убийцы—сволочь.

Андрейка не может отдышаться, привалился спиной к двери, грудь на ветер, фуражка сброшена, волосы припудрены изморозью. Ничего, теперь уже дома.

Пустынно между торговых рядов, в предутренней звонкой тишине каждый звук чеканно отчетлив.

По краю корявой площади тарахтит пролетка. Скрючившись на козлах, перебросив вожжи через руки, дремлет извозчик.

Лошадь трусит неторопливой рысцой со двора, выбивая стертыми подковами одно и то же, одно и то же: тяп-ляп, тяп-ляп, тяп-ляп.

Ларьки и палатки, закружившись в центре, драные и растрепанные, притулились друг к другу, выгорбив дырявые спины, заикается под ветром отодранная доска, хлопает обиженно.

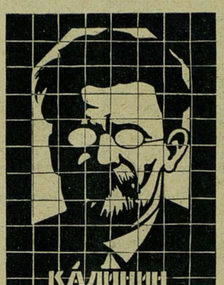
Мысли продираются через паутину устали и сна. Нет следа того, про произошло, но какой-то комочек спрятался внутри, давит, выпирает вверх. Тогда наступает нестерпимая духота...

И ночь ушла неторопливая, грузная, жирная мокрица, выкупанная в свежей крови.

Царя не надо, так, что-ль!

Как увеличивать портреты?

Какие только портреты ни рисуют ребята! Просто ужас берет. В отрядном уголке висит самодельный портрет вождя, имя которого носит отряд. Кто изображен,—можно узнать только по надписи.

А, между тем, можно приготовить хорошие портреты, которые будут украшением отрядного уголка.

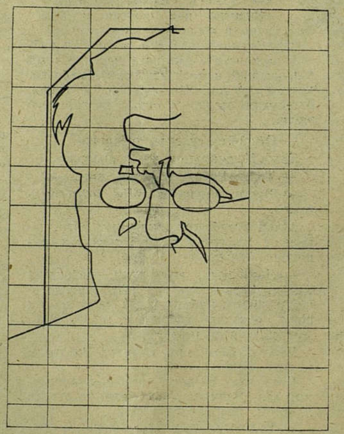
На этой странице нарисованы портреты трех вождей Ленина, Калинина и Сталина. Эти портреты легко можно увеличить. Портреты несколько необычны. Они сделаны черной краской из сочетания черных и белых пятен. Без полутонов. Это упрощает работу. Так легче скопировать портрет.

Другая особенность этих портретов—что они сделаны для просвечивания. Это—световые портреты.

Представьте себе большой портрет, нарисованный черной краской на красном, натянутом на раме, полотне, или на красной просвечивающей бумаге. Портрет вставлен в раму, а позади рамы электрическая лампа. Получается очень эффектно и красиво. Такой же портрет можно сделать на белом полотне и поместить его в просвете окна.

Вместо того, чтобы рисовать на полотне, можно просто рисовать на белой бумаге, потом зачернить тушью, вырезать и наклеить на полотно.

Как же теперь увеличить портрет, и

так увеличить, чтобы не исказить рисунка.

Для увеличения рисунков есть много различных способов. Один из них такой:

Весь портрет разбивают на равной величины клетки. Портрет получается как бы покрытый сеткой. Чем меньше чертят сетку, тем точнее будет работа. Мелкую сетку надо делать, если много деталей. Очень же мелкая сетка затрудняет работу.

На нашем рисунке показано, как делается увеличение портрета т. Калинина. Мы его разбили на 88 клеток (8 в ширину и 11 в высоту). По желанию, мы можем увеличить портрет в 2, 3, 4 и больше раз. Например, мы решили увеличить в пять раз. Портрет наш прямоугольный. Поэтому рисуем на бумаге прямоугольник точно в 5 раз больше портрета. В этом прямоугольнике должно быть увеличенное изображение.

Разбиваем наш прямоугольник на столько же равных клеток, сколько их в оригинале. Чертим карандашом сетку, увеличенную в пять раз. Теперь в каждой увеличенной клетке надо точно нарисовать ту часть портрета, которая имеется в этой же клетке в оригинале, в уменьшенном размере. Так как клетка будет увеличена в пять раз, то и рисуемая часть увеличится тоже в пять раз.

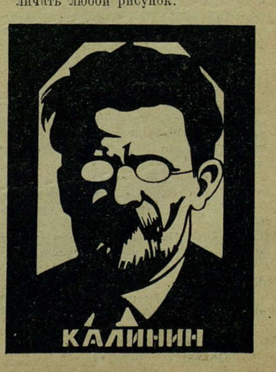
Таким образом, вся работа сводится к рисованию в увеличенном виде мелких, простых деталей портрета, заключенных в той или иной клетке. Такие отдельные детали, конечно, легче рисовать, чем сразу весь портрет. А, самое главное, каждая деталь рисунка, благодаря сетке, будет точно увеличена в пять раз и будет находиться на соответствующем месте.

Так, аккуратно заполняя все клетки увеличенной сетки, мы в результате получим увеличенный портрет.

На нашем рисунке изображена часть увеличенной сетки, на которой нарисованы контуры будущего портрета. Эти контуры в соответствующих местах надо будет залить тушью, сетку стереть резиной,—и портрет готов.

Таким же способом можно увеличить любой рисунок.

СТАЛИН

Врач А. Семенова

Как пионеры добились чистоты и порядка у себя в клубе

САНКОМ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

На стене клуба появилось написанное крупными буквами воззвание: «Экстренное заседание Санкома в 7 час. вечера. На повестке: долой непорядок и грязь из клуба.

Явка всех санитаров всех звеньев — обязательна».

В назначенное время собрались все санитары.

— Такие непорядки и грязь дольше терпеть нельзя. В клубе нашем взрослые курят, сорят, наплевано, грязь. Отдельного помещения нет. Вместе с взрослыми сидим, орем, мешаем друг другу, — или гонят нас вовсе вон и лишь к ночи пускают, когда малыши наши уж носом клюют. А главное, товарищи,— грязь, грязь непроходимая. Ребята наши бунтуют, ругают санком,—да и за дело.

Первый раз на лыжах

— Но как быть?.. Как наладить?

— Надо итти в завком, иначе у нас, ребята, ничего не выйдет,—говорит один из ребят.—Итти надо не с пустыми руками, не с общими разговорами, это ни к чему, а подумать вперед хорошенько, чего и как просить.

— Верно, верно, — поддержали санитары.

После долгих споров решили просить у завкома отдельное помещение. Хоть поменьше, но зато свое. Если нет отдельного помещения, тогда пусть назначают в разное время работу пионеров и взрослых, чтоб не мешали друг другу, и для пионеров пораньше, часов в 5—6, а для взрослых—позже. И пусть завком даст отдельного уборщика, который бы следил за клубом, убирал и уносил сор, и после ухода взрослых отворял бы окна, фортки и проч. Да и не метлами же, в самом деле, убирать клуб надо,—нужен хоть небольшой специальный инвентарь. Пусть завком даст на него денег. Не так уж много надо.

Тут же составляется список необходимого инвентаря: половая щетка, скребок к двери—ноги очищать от грязи, тряпки половые и для пыли, рукомойник, полотенца, мыло, пара кружек для воды, дерюжка или рогожа, совок для собирания сора. Нужен еще ящик для сора и другой—для запаса мокрых опилок. Вот и все необходимое. Прикидывают,—рублей на 15 обернуться можно. Решено передать список завкому и просить денег.

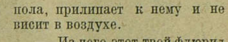
— А хорошо бы и флюридом пол натереть, — заявляет один из санитаров,— как у нас в школе.

С горки

— Что за штука такая? —спрашивают ребята.

— А маслом таким полы натираются, тогда пыль, летающая в воздухе, касаясь

пола, прилипает к нему и не висит в воздухе.

— Из чего этот твой флюрид состоит?

— А вот сейчас точно скажу, — говорит санитар, вынимая из бокового кармана записную книжку и читает:

— Состав флюрида: веретенное масло № 3—1 пуд, скипидара — 2 фунта, сикатив № 2 — полфунта. Цена готового флюрида—8 руб. пуд, самим смешать дешевле. Натираются полы из следующего расчета: на 1 кв. саж.—$2^1/_2$ фунта флюрида, следовательно, на наш клуб среднего размера, около 10 кв. саж., надо 25 ф.,—т.-е. на 4 — 5 рублей. Зато мыть полы нужно только перед натиранием флюридом, а потом долгое время не нужно,—это окупит расход. Натирать надо раза три в год.

— Так попросим у завкома и флюрида, — предлагает председатель,— а натрем сами, — субботник устроим.

— А еще, ребята, чтобы покончить дело с порядком, нужно что-то с одеждой сделать; надо, чтобы все ребята, приходя, снимали верхнюю одежду и галоши, и не бросали зря на лавки и куда попало: это—непорядок и грязи от этого больше. Станем просить, чтобы нам вешалку в кладовке при входе устроили или еще какой уголок для нее отвели. Итак, секретарь, записывай все и идемте в завком.

САНИТАРЫ В ЗАВКОМЕ

Не тратя лишних слов, об'ясняют пионеры в завкоме причину своего прихода, для памяти передают и свое заявление—список инвентаря и смету.

Внимательно выслушали завкомцы пионеров.

— Ну, на счет помещения, ребята, и не просите. Рады бы, да нег. А на счет того, чтобы пускать вас пораньше, передвинув расп сание занятий взрослых,— устроим, передадим вопрос в бюро ячейки.

Отрядная вылазка на лыжах

— Ну, еще что? Уборщика вам надо— дадим.

— Ну, а как насчет денег на инвентарь?, — хором говорят ребята.

— Тут у вас в смете 15 руб. да флюриду на 4—5 руб., да вешалку сладить—всего руб. 20 — 25 надо... Ну, ребята, это не пройдет. Нет денег.

Но санитары не сдаются. Горячо убеждают они, что если рабочим и правда нужна «здоровая смена», то надо и

на самом деле, а не на словах только об этом позаботиться. Лучше предупредить, чтобы мы от пыли и от духоты не заболели, чем потом, как заболеем, нас лечить. Это куда дороже станет.

В конце концов убедили. Санитарам под расписку выдали 20 рублей.

КЛУБ ПРЕОБРАЖАЕТСЯ

— Теперь, товарищи, скорей за работу. Завтра утром закупим, что нужно, а пока давайте-ка сладим наш Здравуголок — все развесим, ведь заготовлено у нас много: рисунки, плакаты, диаграммы,—говорит председатель санкома.

Дружно, ободренные успехом переговоров с завкомом, принялись санитары за дело и через два часа Здравуголок был готов. На стенах красовались яркие рисунки, санитарные плакаты, диаграммы из жизни отряда, карикатуры и проч.

Договорились с уборщиком, как надо убирать клуб.

— Как только кончат заниматься,—говорят ему ребята, — открой окна, двери, фортки, электрический вентилятор и убери все хорошенько. Пыли не поднимай, а мети с мокрыми опилками; набери их на заводе, да и ящик для них на заводе найди. А другой ящик принищи и поставь в угол, будешь в него сор собирать и каждый день его очищай. А потом протри столы и лавки сырыми тряпками, воду в умывальник налей. Да еще разберись-ка ты в пустой кладовке, у входа устрой там нам вешалку—говорили в завкоме, на заводе лишняя есть. Да и в уборной посматривай, все ли там в порядке. Ну, и за полчаса до нас проветривай и никого сюда не пускай, — сиди и жди нас. После себя-то мы и сами уберем. Понял?

— Ну, как не понять... дело не мудреное...

КАК БЕРЕЧЬ ЧИСТОТУ И ПОРЯДОК В КЛУБЕ

К вечеру через день в свой клуб стали собираться пионеры. Распахнули двери и хотели, как всегда, не отерев ног и не сняв верхней одежды, бежать к столам и приниматься за работу.

Но не тут-то было. У двери их остановили санитары.

— Нет, ребята, стой. Теперь дело у нас будет по другому. Вытирай ноги, да снимай пальто. Вешайте вон туда, в кладовку, на вешалки.

Пионеры очистили ноги, сняли пальто и осмотрелись.

— Ишь ты, как у нас светло, чисто стало.

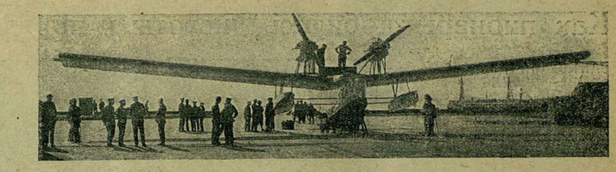
И в самом деле, приветливый вид имел клуб: воздух свежий, отворены фортки, весело шумит электрический вентилятор (починили), ярко горят лампы (прибавили лампочек), столы, лавки протерты, пол начисто выметен, нигде не пылинки. При входе умывальник, мыло, полотенце. В углу красиво выделяются рисунки Здравуголка, везде развешаны санитарные плакаты, призывающие к чистоте и порядку.

Так, против самой двери висит призыв: «С маху в клуб ты не влетай,— ноги чище вытирай». Немного подальше другой плакат: «Кто свое здоровье любит, грязь тому невмоготу. Все следите, чтобы в клубе соблюдали чистоту».

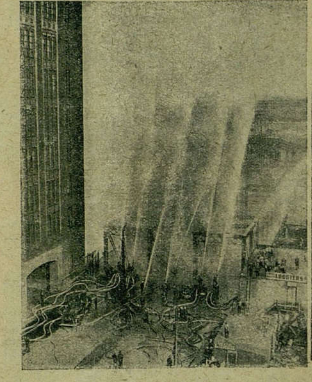
А вот еще.

«Эй, товарищ-пионер, будь для всех ты сам пример».

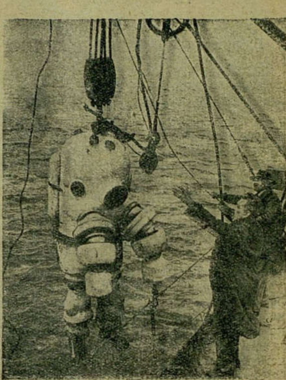
СО ВСЕГО СВЕТА

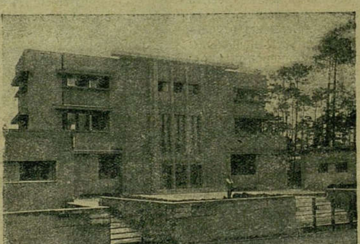
Гигантский гидроплан, недавно построенный в Англии для перелетов на большие расстояния над водой

Пожарные насосы большой мощности. Струя воды достигает верхних этажей небоскребов

Спуск водолаза в море в специальном костюме для работы на большой глубине

Дома новой постройки в Германии

Тут же на большом листе санитарные правила:

1. Приходя в клуб, начисто вытирайте ноги о скребок и дерюжку и вешайте пальто на вешалку в раздевальне.
2. Чаще мойте руки с мылом, для чего есть в клубе умывальник, мыло и полотенце.
3. Отнюдь не плюйте на пол, не сорите: все бумажки, обрезки и прочий сор бросайте в специальный ящик в углу.
4. Грызть подсолнухи в клубе строго запрещается.
5. По возможности держите во все время работы открытыми фортки и фрамуги.
6. Каждый строго соблюдай порядок и убеждай в том же товарища.

Между тем, пионеров набился полный клуб: назначено на сегодня экстренное общее собрание для доклада Санкома «О чистоте и порядке в клубе». На собрании договорились, как надо вести себя дальше, чтобы строго поддерживать заведенные теперь в клубе чистоту и порядок.

— Теперь, ребята, — закончили санитары,—от нас самих зависит: будет у нас в клубе чистота и порядок, или нет. Завком сделал все, что мог, перенес нам часы, дал нам денег и уборщика. Теперь строго блюдите порядок.

— «Да здравствует наш Санком!»,—закричали пионеры, расходясь с собрания.

Просим ответить

Вопрос.

1. Можно ли пионеру носить простой галстук помимо пионерского?

2. Отменяется ли для пионеров картежная игра, в которой приходится «шевелить мозгами».

Пионер Петр Вишняков.
(Село Вонданск, Вятской губ.).

Ответ.

1. Действительно наблюдается, что пионеры, подражая взрослым, заводят модные галстучки. Это совершенно лишнее, красоты здесь особенной нет, пустое франтовство. Пионерский же галстук есть символ связи трех поколений: партии, комсомола и пионеров.

2. Картежная азартная игра на деньги безусловно недостойна пионера. Для развития смекалки гораздо более пригодны шашки, которые легко сделать самим, а еще больше шахматы.

Вопрос.

3. Может ли пионер ночевать в своем клубе, не приходя домой обедать и чай пить?

Залесквер Михаил. (50 отряд, Уфа).

Ответ.

3. Клуб не общежитие и не пионерская коммуна и жить в нем нельзя. В клубе можно проводить свой отдых, ученье в кружках и т. д., но бежать туда от семьи нельзя.

Вопрос.

4. Если пионер войдет в уголок, должен ли он снять шапку?

Ким Богдан, Лугмир Жихарев, Спартак Цехой. (Кавказ).

Ответ.

4. Не следует, конечно, относиться к уголку, как верующий к иконам. Вообще надо взять за правило—в помещении клуба, в школе, во всяком общественном месте снимать шапки и снимать верхнее платье. Это необходимо по гигиеническим соображениям.

Вопрос.

5. Куда пионеру уделять больше внимания—клубу или школе?

Лев Альтаузен. (Архангельск).

Ответ.

5. В школе пионер получает знания, в клубе воспитывается общественно. И то, и другое одинаково необходимо, школа и клуб дополняют друг друга, и поэтому надо устраивать так, чтобы одно другому ни в коем случае не мешало.

Вопрос.

6. В отряде возник спор, кому до революции жилось лучше, рабочим или крестьянам. Отряд в споре разбился на две половины. Кто прав?

В. Кальфаен. (Белая Калитва).

Ответ.

6. И те, и другие неправы, и сам вопрос неправильно поставлен. И рабочим, и подавляющему большинству крестьян (за исключением небольшой верхушки кулаков) жилось одинаково тяжело и беспросветно. Рабочих эксплоатировали фабриканты, крестьян—помещики,—и тех, и других угнетали царские чиновники.

Вопрос.

7. Можно ли в редакцию «Пионера» вносить какие-либо предложения, относящиеся к постановке журнала?

Н. Хавкина.
(Москва, 60 отряд, Кр. Пресня).

Ответ.

7. Не только можно, но каждый пионер, каждый активный читатель и друг журнала должен участвовать в его строительстве, присылать свои замечания, предложения, мнения о журнале, что хорошо, что плохо и чего нехватает; тогда при участии всех ребят редакция будет легче строить настоящий пионерский журнал.

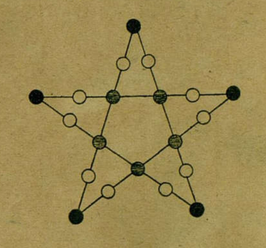
Отгадай

№ 1. ЗАДАЧА.

(Г. З.)

Предлагается найти следующие слова: 1) Город СССР (6 букв), 2) Пресмыкающиеся животные (4 буквы), 3) Род литературного произведения (5 букв), 4) Принадлежность, необходимая при проводке электричества (5 букв).

Расставить найденные слова по кружкам звезды так, чтобы по черным, при чтении в направлении движения часовой стрелки, получилась одна фамилия, а по заштрихованным, при чтении в том же направлении, другая фамилия виднейших революционеров.

№ 2. ШАРАДА.

(А. Попова.)

Нота—слог мой ПЕРВЫЙ,
Италии город—ВТОРОЙ,
Без буквы (без последней)
К ноте ты пристрой.
Теперь же в заключенье
Прибавь ка ты себя,
Тогда уже получится
О чем молчать нельзя.
Страна—такая в Азии,
Где правит капитал,
Где гнет его и цепи
Народ весь взбунтовал.

а	а	а	г	г	е
е	е	е	е	ж	ж
и	и	и	и	и	к
л	м	н	н	н	н
о	о	р	р	р	с
т	у	у	х	ч	ц

№ 3. ЗАДАЧА БУКВ.

(Г. З.)

В данном квадрате предлагается переставить буквы так, чтобы при чтении по спирали получились слова, а в одной из диагоналей фамилия знаменитого публициста.

№ 4. ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Какие и как надо расположить три предлога, чтобы получить часть дерева.

2. Каким ключем нельзя отпереть дверь.

№ 5. РЕБУС

пионера А. Бегге.

Цена 20 коп.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТЬКИ-ПИОНЕРА
КИНО-ФИЛЬМА ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"
РЕЖИССЕР • СЦЕНАРИСТ • Р. РОМАН
ХУДОЖНИК • ОПЕРАТОР • В. СУТЕЕВ
1-я ЧАСТЬ
ПИОНЕР
1. ПРО ПЕТЬКУ ПЛОХОГО НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ ПЕТЬКА ПАРЕНЬ ВО ВСЕМ НА ЯТЬ
2. В ОТРЯДЕ — ПЕРВЫЙ,
$2ab + b^2$
3. И В ШКОЛЕ ПЕТЬКА ГЛОТАЕТ ФИЗИКУ И АРИФМЕТИКУ.
4. ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ — ДАЕШЬ ПОШЕЛ' ПЛАВАНЬЕ!
5. ..РЮХИ!!!
6... БАСКЕТБОЛ!!!
7 КОГДА ЖЕ ТЬМА ПРИКРОЕТ ДОМИШКИ ПЕТЬКА ЖАДНО ЧИТАЕТ КНИЖКИ
8. ОГНЯМИ КНИГИ В МОЗГУ ГОРЯТ ВОТ ПЕТЬКА В ГРОМЕ ДЫМУ ОКТЯБРЯ!!
9. ВОТ ЗЛЫМ БАНДИТАМ КРИЧИТ ОН: „СТОП!!!"
10 ВОТ ОН С БУДЕННЫМ БЕРЕТ ПЕРЕКОП
С.С.С
11. И ВОТ ОДНАЖДЫ НАДВИНУВ КЕПКУ ПОПАСТЬ НА ПОЛЮС РЕШИЛ ОН КРЕПКО
КАРТА СЕВ. ПОЛЮСА
12. К ПОЛЮСУ ДОЛОГ СУРОВЫЙ ПУТЬ НУ ДОБЕРУСЯ Я КАК НИБУДЬ
13. И ЗАХВАТИВШИ НУЖНЫЙ БАГАЖ К ПОЛЮСУ ПЕТЬКА ОТПРАВИЛСЯ НАШ
СЕВ. Ж. Д.
14. ВРЕМЯ — ПОЛНОЧЬ, ЗЕВАЕТ СМАЗЧИК ПЕТЬКА ЗА ВАГОН И В ЯЩИК.
15 ДОЛГО-ЛЬ, КОРОТКО-ЛЬ ЕХАЛ И ВОТ ПЕТЬКЕ ПОДВОДИТ ГОЛОД ЖИВОТ.
16. ВОТ УЖ ПОКИНУТА ТЕСНАЯ КЛЕТЬ ПЕТР ПОТЯНУЛСЯ.. ВДРУГ ВИДИТ МЕДВЕДЬ